

РОБЕРТ М. ЭДСЕЛ
и БРЕТ УИТТЕР

ОХОТНИКИ ЗА СОКРОВИЩАМИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ
ЭПИЗОД
ВЕЛИКОЙ
ВОЙНЫ

НАШИСТСКИЕ ВОРЫ,
ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТНИКОВ
И КРУПНЕЙШАЯ В ИСТОРИИ
ОПЕРАЦИЯ ПО СПАСЕНИЮ
МИРОВОГО НАСЛЕДИЯ

НА ЭКРАНАХ — КИНОВЕРСИЯ СТУДИИ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК ФОКС

Брет Уиттер

**Охотники за сокровищами.
Нацистские воры, хранители
памятников и крупнейшая
в истории операция по
спасению мирового наследия**

Издательство «Синдбад»

2009

Уиттер Б.

Охотники за сокровищами. Нацистские воры, хранители памятников и крупнейшая в истории операция по спасению мирового наследия / Б. Уиттер — Издательство «Синдбад», 2009

Эта книга рассказывает о неизвестных героях второй мировой войны. О людях, входивших в военное подразделение, аналогов которому не знала история. Его задачей было не уничтожение, а сохранение: того, что сумели наgrabить нацисты – более пяти миллионов произведений искусства и других культурных ценностей из музеев, храмов, университетов, библиотек и частных собраний Европы. Их называли «хранителями памятников» – добровольно надевших военную форму искусствоведов, музейных кураторов, архитекторов, архивных работников из тринадцати стран. В непосредственной близости от передовой, рискуя нарваться на шальную пулю или подорваться на mine, «хранители» упорно и самоотверженно делали свое дело, спасая Вермеера и Леонардо, Микеланджело и Ван Эйка, Рубенса и Рембрандта... Поиск похищенных сокровищ требовал от них не только мужества, но и недюжинных детективных талантов.

© Уиттер Б., 2009

© Издательство «Синдбад», 2009

Содержание

Предисловие	5
Главные герои	8
Часть первая	15
Хранители памятников	15
Глава 1	16
Глава 2	20
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	33
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	43
Глава 9	50
Часть вторая	52
Глава 10	54
Глава 11	61
Глава 12	68
Глава 13	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Роберт М. Эдсел и Брет Уиттер Охотники за сокровищами. Нацистские воры, хранители памятников и крупнейшая в истории операция по спасению мирового наследия

*Я посвящаю эту книгу моей матери Норме, моей тете Мэрилин и
моему сыну Диего*

*Памяти двух ветеранов – моего отца Рэя Эдсела и моего дяди Рона
Райта*

*Памяти всех хранителей памятников, чьими героическими
усилиями были спасены произведения искусства, которыми мы
наслаждаемся сегодня*

*«Чем бы ни были эти картины для предыдущих поколений,
сегодня они – не просто произведения искусства. Сегодня они –
символ человеческого духа и символ мира, созданного этим свободным
духом. Принимая их в дар, каждый из нас подтверждает, что цель
американского народа – не допустить уничтожения той свободы,
которая сделала возможными научные открытия и творческие
достижения».*

**Президент Франклин Делано Рузвельт. Из речи на церемонии
официального открытия Национальной художественной галереи, 17
марта 1941 г.**

*«Когда-то это называли грабежом. В наше время как методы, так
и термин стали мягче... Но я намерен именно грабить. И делать это со
всей тщательностью».*

**Рейхсмаршал Герман Геринг. Из выступления на конференции
рейхскомиссаров оккупированных территорий и командного состава.
Берлин, 6 августа 1942 г.**

Предисловие

Большинство из нас знает, что Вторая мировая была самой разрушительной в человеческой истории войной. Нам известно число погибших, мы видели снимки сожженных городов Европы. И тем не менее многие ли из нас, гуляя по Лувру, наслаждаясь прохладой в тени Шартрского собора или восхищаясь «Тайной вечерей» Леонардо да Винчи, задавались вопросом: как эти великие произведения искусства пережили войну? Кто были люди, которые их спасли?

Ключевые события Второй мировой – атака на Перл-Харбор, высадка в Нормандии, Арденнское сражение – неразрывно связаны в нашей коллективной памяти с такими книгами и фильмами, как «Братья по оружию», «Величайшее поколение», «Спаси рядового Райана» и «Список Шиндлера», а также с писателями, режиссерами и актерами. Эмброуз, Брокау, Спилберг, Хэнкс – вот имена тех, кто заставил нас еще раз вспомнить давно минувшие события.

Но как бы вы отнеслись к тому, что в истории Второй мировой есть один эпизод, о котором до недавнего времени не знал почти никто? Этот эпизод связан с подвигом людей, не принадлежащих к категории типичных героев войны. Находясь на фронте, они в буквальном смысле слова спасли наш мир, сохранили его в том виде, в каком мы знаем его сегодня; они не были ни пулеметчиками, ни танкистами, ни генералами, ни политиками, но они ясно понимали, какая угроза для мирового культурного наследия исходит от нацистов, и приняли решение не допустить осуществления этой угрозы. Ради этого они отправились на передовую, под пули.

Эти неизвестные герои – хранители памятников, группа военнослужащих союзнической армии, существовавшая с 1943 по 1951 годы. Изначально их задачей был сбор информации о зданиях, пострадавших в ходе боевых действий, – церквях, музеях и других памятниках архитектуры. Но ближе к концу войны, когда войска союзников вступили на территорию Германии, приоритеты хранителей изменились. Теперь их целью стал розыск пропавших и похищенных произведений искусства. За время оккупации Европы нацисты осуществили «величайшее в истории ограбление», вывезя свыше пяти миллионов произведений искусства и предметов, имеющих культурную ценность. Деятельность союзнических сил по минимизации ущерба, которой руководили хранители памятников, обернулась величайшей «охотой за сокровищами». Разумеется, как и любая военная операция сопоставимого масштаба, она сопровождалась поразительными событиями. И тем не менее все случившееся – правда. Это была схватка в условиях цейтнота – укрытые в самых невероятных и неожиданных местах, десятки тысяч величайших произведений мирового искусства, в том числе бесценные картины Леонардо да Винчи, Яна Вермеера и Рембрандта, скульптуры Микеланджело и Донателло, находились в руках нацистских фанатиков, готовых уничтожить их, лишь бы они не достались победителям рейха. Ряды хранителей памятников насчитывали всего около трехсот пятидесяти человек из тринадцати стран мира – капля в море по сравнению с миллионами солдат, сражавшихся в Европе. К концу войны их число сократилось примерно до шестидесяти – в основном это были военнослужащие американской и британской армий. На всю Италию с ее тысячами памятников приходилось всего двадцать два «хранителя». В Нормандии через несколько месяцев после высадки союзнических сил их было меньше дюжины. Со временем к ним присоединились еще двадцать пять человек, но если учесть, что их ответственность распространялась на весь север Европы, масштаб задачи представлялся запредельным.

Изначально я хотел написать книгу о деятельности хранителей памятников в Европе в период с июня 1944-го по май 1945-го года, рассказывающую историю всего восьми членов этой организации. Основой повествования должны были послужить полевые записки, дневники, рапорты и, самое главное, личные письма этих людей. Однако вскоре выяснилось, что совершенно невозможно обойти молчанием вклад многих других участников операции, а раз уж я поставил целью быть честным, мне, к сожалению, пришлось выпустить из повествования все, связанное с деятельностью хранителей в Италии, и ограничиться ее описанием во Франции, Нидерландах, Германии и Австрии.

Американские офицеры Дин Келлер и Фредерик Хартт, британец Джон Брайан Уорд-Перкинс и их коллеги за время своей работы в Италии стали свидетелями и участниками множества потрясающих эпизодов. Из их писем мы узнаем, какой ценой им далось спасение культуры цивилизации. Рассказ об этом обязательно войдет в мою следующую книгу.

Диалоги, включенные в книгу, понадобились мне для оживления сюжета, но я позволил себе использовать эту форму только в качестве второстепенного инструмента и в каждом случае брал за основу архивные документы. Мне хотелось не только сообщить читателю факты, но и обрисовать характеры персонажей, привести мнения разных людей, показать их реакцию на происходящие события. Разумеется, человеческая память несовершенна, и воспоминания

разных участников одних и тех же событий могут различаться между собой. Я с готовностью беру на себя ответственность за любые допущенные ошибки.

Моя книга – это история о людях. Поэтому позвольте мне рассказать одну личную историю. 1 ноября 2006 года я полетел в Уильямстаун, штат Массачусетс, чтобы взять интервью у хранителя Лэйна Фэйзона-младшего, служившего также в Управлении стратегических служб – организации, после войны переименованной в ЦРУ. Лэйн прибыл в Германию летом 1945-го, чтобы затем отправиться в Австрию, в Альтаусзее, для помощи при допросах высокопоставленных нацистских офицеров, взятых в плен союзническими войсками. Он должен был узнать как можно больше о коллекции произведений искусства, собранной Гитлером, и о его планах относительно «музея фюрера» (*Führermuseum*). После войны Лэйн преподавал искусствоведение в колледже Уильямса, почти тридцать лет объясняя студентам тонкости разных стилей и направлений живописи и скульптуры. Подтверждением его педагогического таланта служит тот факт, что многие из его выпускников впоследствии возглавили ведущие музеи США: Томас Кренс (Фонд Соломона Р. Гуггенхайма), Джеймс Вуд («Трест Пола Гетти»), Майкл Гован (Музей искусств округа Лос-Анджелес), Джек Лэйн (Музей искусств в Далласе), Эрл Пауэлл (Национальная галерея искусств, Вашингтон, округ Колумбия) и легендарный Кирк Варнедо (Музей современного искусства).

Несмотря на почтенный возраст – ему было тогда девяносто восемь, – Лэйн отнюдь не производил впечатления дряхлого старика. Тем не менее один из четырех его сыновей, Гордон, предупредил меня: «Отец обычно держится примерно полчаса, а потом на него накатывает дремота, так что не обижайтесь, если он не успеет вам ничего рассказать». Мы проговорили почти три часа. Лэйн листал мою первую книгу «Спасение да Винчи», своего рода фотографическую дань уважения «хранителям памятников», периодически останавливаясь, чтобы приглядеться к снимкам, которые, казалось, переносили его в прошлое. И раз за разом воспоминания всплывали в его памяти, глаза загорались, и, рассказывая мне историю за историей, он энергично жестикулировал. Изумление Гордона, как и остальных братьев, не поддается описанию.

Когда пришло время прощаться, я подошел к его креслу и протянул руку. Он крепко сжал мою ладонь двумя своими, наклонился ко мне и сказал: «Я ждал этой встречи всю свою жизнь». Десять дней спустя, не дожив недели до своего девяностодевятiletия, он скончался. В День ветеранов.

Главные герои

Майор Рональд Эдмунд Бальфур, 1-я канадская армия

Возраст (в 1944 г.): 40. Место рождения: Оксфордшир, Великобритания. Историк из Кембриджа, Бальфур был, как говорят британцы, «ученым-джентльменом»: холостяк, посвятивший жизнь науке, он не стремился к престижным постам и был равнодушен к похвалам. Глубоко верующий протестант, он помимо истории глубоко изучал религиоведение. Самой главной ценностью в его жизни была огромная личная библиотека.

Рядовой Гарри Эттлингер, 7-я армия США

Возраст: 18. Место рождения: Карлсруэ, Германия (эмигрировал в США, Ньюарк, штат Нью-Джерси). Немецкий еврей, Эттлингер в 1938 году вместе с семьей бежал от нацистов. Призванный в армию после окончания школы в 1944-м, рядовой Эттлингер значительную часть

своей службы провел, маясь от скуки в резервной части, пока в начале мая 1945-го не нашел наконец свое место в составе «хранителей».

Капитан Уокер Хэнкок, 1-я армия США

Возраст: 43. Место рождения: Сент-Луис, штат Миссури, США. До войны Хэнкок был скульптором, лауреатом престижной Римской премии; в 1942 году стал автором и разработчиком дизайна Воздушной медали США. Человек общительный и неисправимый оптимист, с войны он писал своей возлюбленной, Сайме Нетти, на которой женился всего за две недели до отправки на европейский фронт. В его письмах постоянно звучат два мотива: удовольствие от собственной работы и мечты о доме с мастерской в Глостере, штат Массачусетс, где они с женой могли бы жить и работать.

Капитан Уолтер Хачтхаузен, он же Хатч, 9-я армия США

Возраст: 40. Место рождения: Перри, штат Оклахома, США. Хатч, красавец-холостяк, был архитектором и профессором дизайна университета Миннесоты. Его служба в основном проходила в немецком Ахене, и он отвечал за операции на большей части северо-западных областей Германии.

Жак Жожар, директор Французских государственных музеев

Возраст: 49. Место рождения: Аньер, Франция. Возглавляя Национальные музеи Франции, Жожар отвечал за сохранность французской государственной коллекции искусства во время нацистской оккупации 1940–1944 гг. Он был начальником, наставником и доверенным лицом другой героини французского Сопротивления – Розы Валлан.

Рядовой первого класса Линкольн Керстайн, 3-я армия США

Возраст: 37. Место рождения: Рочестер, штат Нью-Йорк, США. Профессиональный импресарио, Керстайн слыл тонким знатоком искусства. Человек блестящего ума, он отличался

непростым характером со склонностью к перепадам настроения. Сооснователь легендарного театра «Нью-Йорк Сити *бале*», он пользовался широкой известностью в артистических кругах. Тем не менее в иерархии «хранителей памятников» Керстайн занимал одну из низших ступенек и был незаменимым помощником капитана Роберта Поузи.

Капитан Роберт Поузи, 3-я армия США

Возраст: 40. Место рождения: Моррис, штат Алабама, США. Выросший в бедности на ферме в Алабаме, Поузи окончил Университет Оберн по специальности «Архитектура» благодаря гранту, выделенному Учебным корпусом офицеров запаса. Среди «хранителей памятников» он снискал репутацию одиночки, гордого своей принадлежностью к 3-й армии. Наивысшим авторитетом для него всегда оставался ее легендарный командир генерал Джордж Паттон-младший. Поузи часто писал жене Элис и слал сыну Деннису открытки и сувениры.

Младший лейтенант Джеймс Роример, 7-я армия США

Возраст: 39. Место рождения: Кливленд, Огайо, США. Роример был вундеркиндом музейного мира – еще очень молодым человеком он получил должность куратора в музее Метрополитен. Его специальностью было искусство Средних веков, и во многом именно благодаря его усилиям в музее появилась галерея средневекового искусства («Клуатры»), создание которой поддержал Джон Рокфеллер-младший. В Париже Роример тесно подружился с Розой Валлан – не в последнюю очередь благодаря своей любви ко всему французскому и наличию в характере авантюрной жилки, помогающей обходить установленные правила. Расположив к себе Розу Валлан, Роример сумел получить сведения, оказавшиеся бесценными в гонке за украденными нацистами сокровищами. Он был женат на своей коллеге Кэтрин. Их дочь Энн родилась, когда он был на фронте, и отец впервые увидел ее только через два года.

Лейтенант Джордж Стаут, 1-я армия США и 12-я группа армий

Возраст: 47. Место рождения: Винтерсет, штат Айова, США. Один из основоположников нового тогда направления консервации произведений искусства, Стаут был в числе первых американцев, осознавших, какую угрозу представляет нацизм для европейского культурного наследия. Он активно убеждал военных и руководство музеев в необходимости создания специальной организации по защите произведений искусства. Для «хранителей памятников», работавших в Европе, он был другом, образцом для подражания и беспрекословным авторитетом. Всегда безупречно одетый и столь же безупречно вежливый, он отличался высоким профессионализмом и скрупулезностью, щедро делясь с коллегами своими знаниями и опытом. Ветеран Первой мировой войны, он отправился на фронт, оставив дома жену Марджи и младшего сына. Его старший сын служил в ВМФ США.

Роза Валлан, временный куратор Национальной галереи Жё-де-Пом

Возраст: 46. Место рождения: Сент-Этьенн-де-Сен-Жуар, Франция. Эта женщина, выросшая в сельской местности в очень скромной семье, стала героиней всего французского мира искусства. Перед началом нацистской оккупации она на добровольных началах помогала сотрудникам музея Жё-де-Пом, расположенного неподалеку от Лувра. Тихая и незаметная, она сумела втереться в доверие к нацистам и на протяжении четырех лет собирала информацию о том, куда переправлялись похищенные произведения искусства. После освобождения Парижа эти сведения сыграли решающую роль в их нахождении.

Часть первая

Миссия

1938 –1944

«Нам предстоит нелегкий путь. Нужных людей придется разыскивать долго, это уж точно. Придется отсеивать липовых специалистов, болтунов, умников и пустозвонов. Нам необходим человек, способный организовать первоклассную боевую команду, – настоящий лидер, (...) готовый к неудачам и риску, способный работать много и честно. И непременно не лишенный изобретательности – не устаю удивляться тому, как мало в этом мире находчивых. (...) Ему придется забыть о своих амбициях и личной выгоде. Я совсем недавно уволил двух офицеров из-за их непрерывного нытья о “несправедливости”, “нечестности”, “престиже” и так далее».

Из письма Верховного Главнокомандующего генерала Дуайта Дэвида Эйзенхауэра генералу Вернеру Причарду 12 августа 1942 г.

«Думаю, тогда, в самом начале, у нас потому что-то получилось, что нас никто не знал и нам никто не мешал, – да и денег у нас не было».
Сотрудник отдела консервации Художественного музея Фогга Джон Геттенс о работе с Джорджем Стаутом в 1927–1932 гг.

Хранители памятников

Хранители памятников – это около шестидесяти мужчин и женщин из тринадцати стран мира, добровольцы Отдела охраны памятников, изящных искусств и архивов (ПИИА), организованного при армии союзников в конце Второй мировой войны. Почти все они уже состоялись в мирной жизни как директора музеев, кураторы, искусствоведы, художники, архитекторы и архивисты. А затем им выпало спасти европейское искусство из пламени Второй мировой.

Создание этой службы – случай беспрецедентный. Впервые в истории армия вела войну, стараясь не причинить вреда культурному наследию. И это – без специального оборудования и транспорта, не имея никакого практического опыта в этой сфере. Люди, выбранные для этой задачи, на первый взгляд, вовсе не походили на героев. Средний возраст тех шестидесяти человек, что служили на североафриканском и европейском фронтах вплоть до мая 1945 года, составлял сорок лет. Самому старшему – ветерану Первой мировой, «несгибаемому старику» – было шестьдесят шесть. Только пяти хранителям не исполнилось тридцати. Почти у всех были семьи, у многих – успешная карьера. Но все они выбрали службу в ПИИА, и все были готовы сражаться и умереть за то, во что верили. Я горд и счастлив, что мне выпала честь познакомить вас с ними и в меру своих сил рассказать вам их потрясающую историю.

Глава 1

Бегство из Германии Карлсруэ, Германия 1715–1938

Город Карлсруэ в юго-восточной Германии был основан в 1715 году маркграфом Карлом III Вильгельмом Баден-Дурлахским.

Легенда гласит, что однажды Карл III Вильгельм отправился в лес, задремал и увидел во сне красивый город с величественным дворцом посередине. Но это легенда, а в действительности маркграф поссорился с обитателями Дурлаха и вынужден был уехать из родных мест. Лишившись крыши над головой, он не впал в отчаяние, а взял и построил на перекрестье тридцати двух дорог дворец, вокруг которого вскоре вырос целый город.

Карл III Вильгельм рассчитывал, что новый город станет центром притяжения для жителей окрестных сел и деревень, и сделал его открытым для всех желающих, вне зависимости от национальности и вероисповедания. Это стало щедрым подарком прежде всего евреям, селившимся, согласно тогдашним законам стран Восточной Европы, в основном в гетто. Уже в 1718 году в Карлсруэ была основана еврейская община. В 1725-м сюда переехал еврейский торговец по имени Зелигманн – из соседнего Эттингена, где его семья жила с 1600 года. В Карлсруэ дело Зелигманна процветало, возможно, потому, что антиеврейские законы стали здесь применяться лишь в 1752 году, когда город действительно сделался одним из крупнейших в Германии. Около 1800 года всех жителей Германии обязали иметь фамилию, и потомки Зелигманна выбрали фамилию Эттлингер в честь города, откуда они были родом.

Главная улица Карлсруэ – Кайзерштрассе. В 1850 году Эттлинеры открыли на ней магазин женской одежды, назвав его *Gebrüder Ettlinger* – «Братья Эттлинеры». К тому времени евреям уже было запрещено владеть землей. Медицина, юриспруденция, государственная служба были для них еще открыты, но к таким профессиям, как водопроводчик или плотник, их не допускали ремесленные гильдии. В итоге множество еврейских семей занялось торговлей. *Gebrüder Ettlinger* находился всего в двух кварталах от дворца, и с 1890-х годов постоянной клиенткой Эттлингеров стала жена Фридриха II великая герцогиня Бадена Хильда. Благодаря ей *Gebrüder Ettlinger* превратился в один из самых модных магазинов в городе. К началу XX века он занимал уже четыре этажа, и работало в нем сорок человек. В 1918 году, после поражения Германии в Первой мировой войне и падения Германской империи, герцогиня уехала из города, но даже потеря покровительницы не помешала процветанию семейства Эттлингер.

В 1925 году Макс Эттлингер женился на Зузе Оппенгеймер, дочери оптового торговца текстилем из близлежащего Брухзалья. Главный доход ее отцу приносили поставки форменной одежды для государственных служащих: полицейских и таможенников. Еврейский род Оппенгеймеров, которые жили в окрестностях с 1450 года, славился своей честностью и добротой. Так, мать Зузе была, помимо всего прочего, главой местного отделения Красного Креста. К 1926 году, когда родился первый сын Макса и Зузе Хайнц Людвиг Хаим Эттлингер, или просто Гарри, его семья могла похвастать не только финансовым благополучием, но и всеобщим уважением.

Дети живут в закрытом мире, и маленький Гарри верил, что жизнь, какой он ее знал, будет продолжаться вечно. У него не было друзей-неевреев, но поскольку и у родителей их не было, это казалось в порядке вещей. Да, он встречал гоев в парках и в школе, и они ему нравились, но в глубине души он чувствовал, что был для них чужаком. Откуда он мог знать, что мир вступает в экономическую депрессию, а люди в тяжелые времена всегда ищут виноватых? Родители Гарри переживали из-за роста национализма и антисемитизма, но скрывали это от

сына. Однако и он ощущал, что граница между ним и большим миром Карлсруэ становится все заметнее, что разделяющие их стены поднимаются все выше.

В 1933 году семилетнего Гарри исключили из местного спортивного общества. В 1935-м его тетя уехала из Карлсруэ в Швейцарию. Через несколько месяцев после ее отъезда Гарри перешел в пятый класс. Из сорока пяти мальчиков только двое были евреями. Отец Гарри был ветераном Первой мировой войны, перенесшим ранение шрапнелью под Мецем, – только поэтому для Гарри на некоторое время сделали исключение из принятых в 1935 году Нюрнбергских законов, которые лишали евреев немецкого гражданства, а вместе с ним и большинства прав. Теперь Гарри сидел на последней парте, и его оценки стали заметно хуже. Не из-за травли сверстников – одноклассники хоть и издевались над Гарри, но никогда его не били, – а из-за предвзятости учителей.

Двумя годами позже, в 1937-м, Гарри перешел в еврейскую школу. Вскоре после этого он и двое его младших братьев неожиданно получили в подарок по велосипеду. Бойкот еврейских предприятий разорил магазин Эттлингеров, и отец Гарри вошел в текстильное дело опы (дедушки) Оппенгеймера. Гарри учился кататься на велосипеде, чтобы потом ездить по Голландии, куда надеялась уехать его семья. Семья его лучшего друга собиралась в Палестину. Практически все, кого он знал, готовились эмигрировать из Германии. Но затем пришли известия о том, что в визе Эттлингерам отказали, в Голландию их не пускали. Вскоре после этого Гарри упал с велосипеда – и его даже не приняли в местную больницу.

В Карлсруэ было две синагоги. Эттлингеры посещали менее «традиционную». Либеральная синагога на Кроненштрассе располагалась в большом богато декорированном старом здании высотой с четырехэтажный дом – выше строить было нельзя, потому что ни одно здание в Карлсруэ не могло быть выше дворца Карла Вильгельма. На длинных скамейках внизу сидели мужчины в черных костюмах и черных шляпах. Женщины сидели на балкончиках. А из огромных окон струился и заливал синагогу солнечный свет.

В пятницу вечером и субботу утром Гарри наблюдал за общиной. Многие из тех, кого он видел, собирались бежать из страны: тут их унижали, им постоянно угрожали, да и государство поощряло эмиграцию, видя в ней «наилучшее решение» как для самих евреев, так и для Германии. И все же в синагоге всегда было полно народу. Мир сжимался – экономически, культурно, социально – и границы еврейской общины сужались вокруг синагоги, ее последнего надежного прибежища. Зал чаще всего был набит битком, и пятьсот человек пели хором и молились о мире.

В марте 1938 года нацисты аннексировали Австрию. Последовавшее за этим народное ликование укрепило власть Гитлера и его идеологию «Deutschland über alles» – «Германия превыше всего». Он говорил, что создает новую немецкую империю, которая простоят тысячелетия. Немецкую империю? Германия превыше всего? Евреи Карлсруэ не сомневались, что скоро начнется война – не только против них, но и против всей Европы.

Через полтора месяца, 28 апреля 1938 года, Макс и Зузе Эттлингер сели на поезд и отправились в соседний Штутгарт, где находилось американское консульство. Годами они обивали пороги швейцарского, британского, французского и американского консульств, прося разрешения на эмиграцию, но неизменно получали отказ. Но в этот раз они даже не собирались подавать документы, хотели только задать несколько вопросов. В консульстве было не протолкнуться, и в этой суматохе Эттлингеров гоняли из кабинета в кабинет. Не очень-то понимая, что именно происходит, они отвечали на вопросы и заполняли какие-то формы. Потом вернулись домой – и через несколько дней получили письмо: им дали эмиграционную визу в Соединенные Штаты. Оказалось, что 28 апреля было последним днем, когда консульство США принимало заявки на эмиграцию. А непонятная бумажная волокита была связана с процедурой заполнения заявлений на визу. Наконец-то Эттлингеры могли уехать.

Но сначала Гарри предстояло отпраздновать бар-мицву. Церемонию назначили на январь 1939 года, прямо перед отъездом. Все лето Гарри провел, изучая иврит и английский. К тому времени в их доме остались одни голые стены: какие-то вещи Эттлинеры отправили друзьям и родственникам, а большую часть запаковали в ящики, чтобы везти в Америку. Евреям не разрешалось вывозить из страны деньги, но они все еще могли брать с собой личные вещи. К концу года их лишат и этого права.

В июле было решено сдвинуть бар-мицву Гарри на октябрь 1938 года. Воодушевленный аншлюсом Гитлер провозгласил, что если Судетская область (крошечная полоска земли, доставшаяся Чехословакии после раздела Австро-Венгрии в итоге Первой мировой войны) не будет присоединена к Германии, то он объявит Чехословакии войну. Война казалась не только неотвратимой, но и опасно близкой. Молитвы за мир в синагоге раздавались все чаще, в них было все больше отчаяния. В августе Эттлинеры перенесли бар-мицву на конец сентября – и соответственно приблизили дату отъезда еще на три недели.

В сентябре двенадцатилетний Гарри и его братья отправились на поезде в Брухзаль, чтобы напоследок повидаться с бабушкой и дедушкой Оппенгеймерами. Текстильное дело семьи прогорело, и старики собрались переезжать в соседний Баден-Баден. Ома (бабушка) приготовила мальчикам простой обед, а опа в последний раз показал им лучшие экземпляры своей художественной коллекции. Он был страстным коллекционером и, в меру финансовых возможностей, меценатом. Его собрание насчитывало около двух тысяч гравюр: в основном это были экслибрисы и работы малоизвестных немецких импрессионистов рубежа XIX и XX веков. Особенно опа Оппенгеймер гордился копией автопортрета Рембрандта, выполненной местным художником. Оригинал этой картины находился в музее Карлсруэ и был жемчужиной собрания. Раньше опа часто заходил в музей и любовался портретом, но в последний раз это было пять лет назад. А Гарри, живя в четырех кварталах от музея, никогда не видел оригинала – ведь в 1933 году евреям запретили посещать музеи.

Показав братьям гравюры, опа Оппенгеймер повернулся к глобусу.

– Вам, мальчики, предстоит стать американцами, – с грустью сказал он. – А вашими врагами будут... – Он повернул глобус, но палец его уткнулся не в Берлин, а в Токио: – Японцы.

Неделей позже, 24 сентября 1938 года, Гарри Эттлинер отметил свою бар-мицву в восхитительной синагоге Карлсруэ на Кроненштрассе. Служба, во время которой яблоку было негде упасть, длилась три часа, в середине ее Гарри встал и читал Тору, пропевая отрывки на древнееврейском, – обряд, сложившийся тысячелетиями. Для Гарри церемония означала начало взрослой жизни и олицетворяла, надежды на будущее. Хотя для многих в Карлсруэ надежды уже не оставалось: работы не было, евреев сторонились и преследовали, а Гитлер провоцировал соседние страны на конфликт. После церемонии раввин отвел родителей Гарри в сторону и велел им не откладывать отъезд на завтра, а немедленно бежать на швейцарском поезде, отходившем в час дня. Родители были обескуражены. Чтобы раввин советовал пускаться в путь в шаббат, в день отдыха! Неслыханно.

Прогулка до дома – каких-то десять кварталов – казалось, длилась вечно. В пустой квартире семья молча ела праздничное угощение, состоявшее из холодных бутербродов. Единственными гостями были ома и опа Оппенгеймер, ома Женни – бабушка Гарри по отцовской линии, и ее сестра, танте (тетя) Роза, которые переехали к семье, когда разорился магазин *Geb Brüder Ettlinger*. Мать Гарри рассказала опе Оппенгеймеру о совете раввина. Опа, ветеран немецкой армии, подошел к окну, выглянул на Кайзерштрассе и увидел толпы слонявшихся без дела солдат.

– Если бы война начиналась сегодня, – сказал мудрый старик, – все эти солдаты были бы в казармах. Сегодня война не начнется.

Отец Гарри, еще один ветеран немецкой армии, согласился со свекром. Семья уехала не в тот день, а на следующее утро, на первом поезде, отправлявшемся в Швейцарию. В октябре

1938 года они прибыли в Нью-Йорк. Ровно месяц спустя, 9 ноября, нацисты использовали убийство дипломата как повод к полномасштабной кампании против немецких евреев. В Хрустальную ночь было разрушено семь тысяч еврейских магазинов и двести синагог. Евреев Карлсруэ, в их числе опу Оппенгеймера, схватили и поместили в концлагерь Дахау. Великолепную столетнюю синагогу на Кроненштрассе, где семь недель назад отмечал бар-мицву Хайнц Людвиг Хаим Эттлингер, сожгли дотла. Гарри Эттлингер был последним мальчиком, отпраздновавшим бар-мицву в старой синагоге Карлсруэ.

Но эта история не о синагоге на Кроненштрассе, не о концлагере Дахау, даже не о Холокосте. Она о другом преступлении Гитлера перед народами Европы и мира – перед принадлежащей всему человечеству культурой. Когда рядовой армии США Гарри Эттлингер снова окажется в Карлсруэ, его приведет сюда не поиск уцелевших родственников и знакомых из еврейской общины. Он вернется в родной город, чтобы попытаться найти следы бесценной художественной коллекции опы Оппенгеймера, завещанной ему дедом и отнятой нацистами. Ему придется спуститься под землю, на глубину 180 метров, где его глазам предстанет сокровище, о существовании которого он знал всегда, не имея ни малейшей надежды его когда-нибудь увидеть, – автопортрет Рембрандта.

Глава 2

Мечты Гитлера

Флоренция, Италия

Май 1938

В начале мая 1938 года, через несколько дней после того, как родители Гарри Эттингера подали заявление на эмиграцию в Америку, Адольф Гитлер впервые в жизни выехал за пределы Германии и Австрии. Он отправился в Италию, чтобы встретиться со своим союзником Муссолини.

Рим произвел на него неизгладимое впечатление: такой огромный, монументальный, такой имперский – куда ни глянешь, повсюду колонны и руины. На фоне этого величия – не нынешнего, а древнего – Берлин казался провинциальным городком. Гитлер давно уже хотел сделать из своей столицы новый «Вечный город». Он годами планировал завоевание Европы, но именно Рим поселил в нем мечту об империи. С 1936 года он обсуждал со своим архитектором Альбертом Шпеером идею глобальной перестройки Берлина. А посетив Рим, велел Шпееру строить не для сегодняшнего дня, а для будущего. Гитлер хотел создавать памятники, которые с течением столетий так же обратились бы в изящные руины, – чтобы и через тысячу лет люди с благоговением смотрели на символы его власти.

Гитлера вдохновила и маленькая Флоренция, столица итальянского искусства. Здесь, в тесно скученных домах, зародился и расцвел итальянский Ренессанс, здесь билось сердце европейской культуры. В воздухе развевались нацистские флаги, толпа выкрикивала приветствия, но тронуло его именно искусство. Он провел более трех часов в галерее Уффици, подолгу замирая перед знаменитыми картинами. Приближенные пытались его поторопить, Муссолини, который в жизни не переступал порог музея, раздраженно бормотал у него за спиной: «*Tutti questi quadri...*» («Ох уж эти картины...») Но Адольф Гитлер никого не слышал и как завоороженный смотрел на шедевры живописи. В юности он мечтал быть художником и архитектором. Но все мечты обратились в прах, когда комиссия так называемых экспертов – он был убежден, что в нее входили одни евреи, – не приняла его в Венскую академию изобразительных искусств. Несколько лет он скитался без постоянной работы и жил чуть ли не на улице. Но теперь он нашел свое истинное призвание. Не создавать, но воссоздавать. Все очистить и перестроить. Сделать из Германии величайшую империю в истории. Самую сильную, самую дисциплинированную, самую расово чистую. Его Римом станет Берлин. Но создателю новой империи нужна была и Флоренция. И он уже знал, где построит ее.

Всего за два месяца до поездки в Италию, в воскресенье 13 марта 1938 года, Адольф Гитлер возложил венок на могилу своих родителей неподалеку от города Линца, в котором вырос. За день до этого, 12 марта, сбылось одно из самых заветных его желаний. Он, прежде всеми презираемый и отвергнутый, приехал из Германии, которой теперь правил, в родную Австрию, его усилиями присоединенную к рейху. В каждом городе его машину обступала ликующая толпа. Матери плакали от радости, дети осыпали его цветами. Линц приветствовал его как героя-победителя, спасителя своей страны – и своей расы.

На следующее утро он не смог выехать из Линца. В немецкой колонне было столько танков и машин, что дорога на Вену оказалась полностью заблокирована. Все утро он проклинал своих офицеров за то, что они испортили момент его славы, опозорили его перед собственной армией и всем миром. Но днем, когда он остался один на кладбище – охрана ждала в почтительном отдалении, – на него снизошло озарение, внезапно заставив увидеть будущее города в новом свете.

Он сделает это. Он – не просто скорбящий сын, склоняющийся перед железным крестом на могиле матери. Он – Вождь. В тот день он чувствовал себя императором Австрии. Кривая линия индустриального берега Линца больше не оскорбит его взора – он все здесь перестроит. Он осыплет этот промышленный городок деньгами и почестями, пока Линц не возвысится над Веной – насквозь еврейским (но в то же время яростно антисемитским) городом, который он презирал.

В тот день он, возможно, вспоминал и об Ахене. Этот город, в котором был похоронен Карл Великий, в 800 году коронованный в Риме на императорский трон, уже более одиннадцати столетий служил памятником величию основателя династии Каролингов. Карл Великий превратил Ахен в несокрушимый центр власти, сердцем которого стал кафедральный собор. Гитлер решил, что перестроит Берлин по образу и подобию Рима. А также перестроит тихий и дымный от заводов Линц – по образу, который придумает сам. Это были не пустые мечты: теперь у него достаточно власти, чтобы воздвигнуть памятник себе – как правителю и как художнику. Два месяца спустя во флорентийской галерее Уффици он окончательно понял, чем суждено стать Линцу, – культурной столицей Европы.

В апреле 1938 года Гитлер задумался о том, чтобы создать в Линце художественный музей и поместить в него свою личную коллекцию, которую он начал собирать еще в 1920-е годы. Но поездка в один из центров классического западного искусства убедила его мыслить шире. Он не просто одарит Линц музеем. Он переделает городское побережье Дуная в квартал искусств, как во Флоренции, но с широкими бульварами, дорожками для прогулок в парках; здесь все будет продумано, все распланировано. Он построит оперу, филармонию, кинотеатр, библиотеку и конечно же огромный мавзолей, где упокоится его тело. А рядом с мавзолеем, в центре, будет воздвигнут Музей фюрера – самый большой, самый потрясающий художественный музей в мире.

Музей фюрера. Его художественное наследие. Музей сгладит горечь отказа Венской академии изобразительных искусств. Он придаст цель и смысл зачистке «дегенеративного» еврейского и современного искусства, новым музейным проектам, таким как Дом немецкого искусства в Мюнхене, финансируемый государством, огромным ежегодным выставкам в назидание немецкому народу, поощрению коллекционирования среди нацистской элиты, десятилетним усилиям Гитлера по созданию собственной коллекции мирового искусства. Музей фюрера станет самым богатым художественным музеем в истории, его собрание составят шедевры из главных сокровищниц мира.

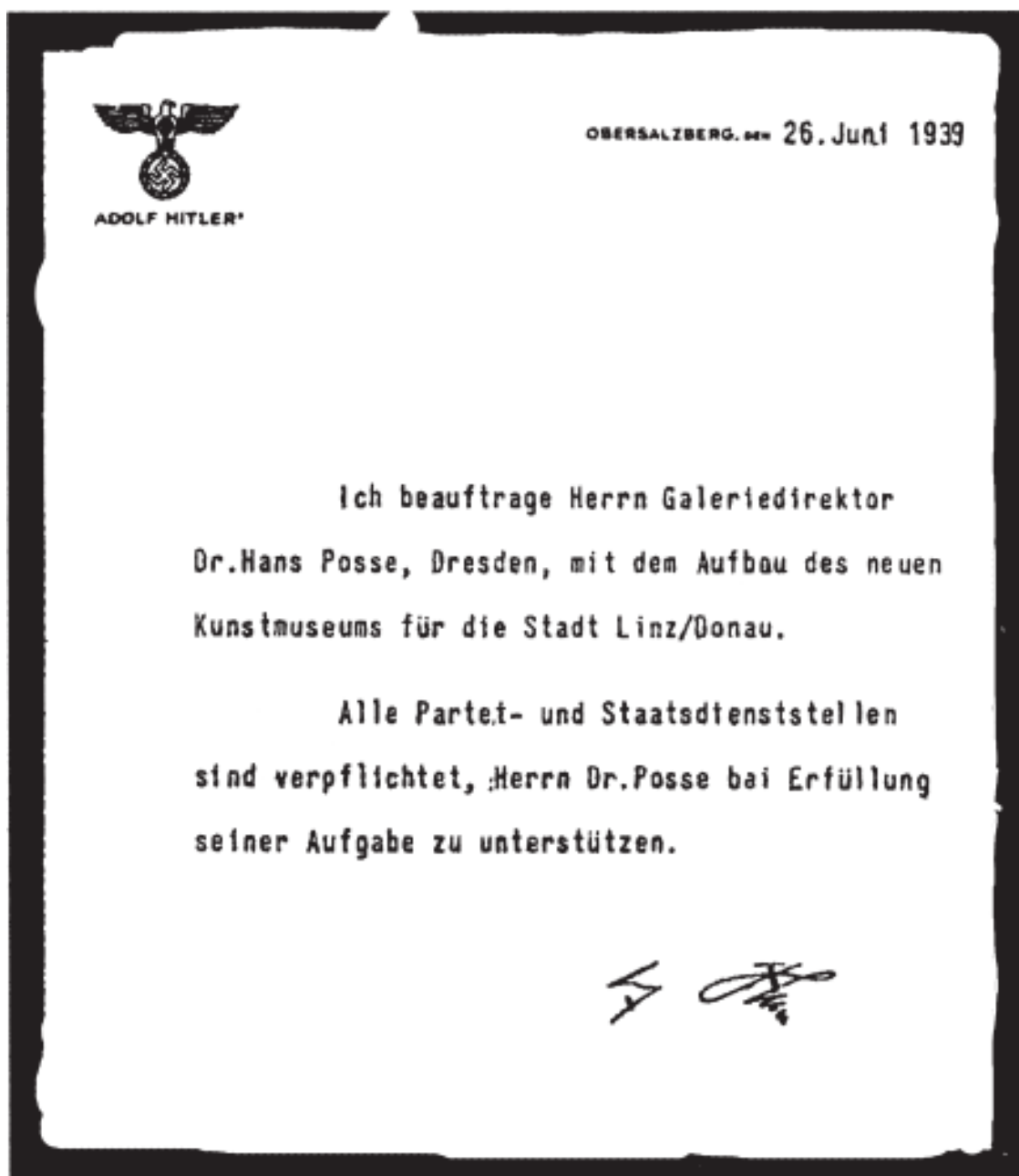
Тем временем мировые сокровищницы подвергались нещадному разграблению. К 1938 году Гитлер уже ободрал немецкую элиту. Он переписал законы, лишил немецких евреев гражданства и конфисковал их коллекции произведений искусства, мебель и все имущество вплоть до фамильного серебра и семейных фотографий. На второй день его правления Австрией, в ту самую минуту, когда он склонялся у могилы матери, отряды СС под командованием Генриха Гиммлера арестовывали евреев Вены, забирая их имущество в пользу рейха. Эсэсовцы знали, где были спрятаны произведения искусства: несколько лет назад немецкие искусствоведы уже объехали Европу и составили тайные описи, чтобы после завоевания западных стран Гитлером – о да, он уже тогда готовился к войне – его агенты могли мгновенно указать местонахождение каждой культурной ценности.

В последующие годы, когда власть фюрера и территория Третьего рейха будут расти, эти агенты разъедутся по всему миру. Они проберутся в каждый музей, каждый тайный бункер, каждую крепость и гостиную, чтобы покупать, торговаться, вымогать и отбирать. Рейхсляйтер Альфред Розенберг будет мародерствовать, прикрываясь коллекционированием произведений искусства. Так же будет оправдывать свои ненасытные аппетиты ближайший соратник Гитлера Герман Геринг. А Гитлер использует новые законы, свои законы, чтобы присвоить величайшие произведения европейского искусства и отправить их к себе на родину. Он забудет ими все воз-

можные хранилища – в ожидании того дня, когда они окажутся в самом великолепном музее мира. А пока их будут вносить в толстые каталоги, и совсем скоро, после тяжелой работы по управлению миром, он сможет отдохнуть дома. У ног его будет лежать собака, на столике рядом дымиться чайник, а он станет выбирать лучшее из крупнейшей в мире коллекции искусства – по несколько шедевров за вечер. Гитлер будет возвращаться к этой идее снова и снова. Он прокрутит ее в своей голове несчетное количество раз, пока при помощи архитекторов Альберта Шпеера, Германа Гислера и прочих Музей фюрера и культурный район Линца, символы артистической души Гитлера, не обретут физическое воплощение: сначала в эскизе в шесть метров длиной, а затем в трехмерной модели величиной с целую комнату, где не будут забыты ни одно здание, ни один мост и ни одно дерево.

26 июня 1939

**Приказ Гитлера о назначении Ганса Поссе
ответственным за сооружение Музея фюрера в Линце**

«Поручаю директору Дрезденской галереи Хансу Поссе построить новый художественный музей в городе Линце на Дунае. Всем партийным и государственным органам предписывается оказывать доктору Поссе всестороннее содействие в исполнении его задачи».

Подпись: Адольф Гитлер

Глава 3

Призыв к оружию

Нью-Йорк, США

Декабрь 1941

В середине декабря 1941 года улицы Нью-Йорка, тщательно украшенные к Рождеству, слепили прохожих. Сверкали витрины торговых центров, тысячей огней горела гигантская елка в Рокфеллеровском центре. Солдаты на сборах подрезали и украшали елки, а горожане готовились накормить 40 тысяч новобранцев самым грандиозным в истории города обедом. Вывески «Как обычно» в витринах магазинов явно указывали на то, что Рождество выдалось далеко не обычное. 7 декабря японцы атаковали Перл-Харбор: так потрясенная Америка вступила в войну. И пока большинство американцев покупали подарки, запекали индейку и спешили впервые за много лет провести Рождество с семьей – 1941 год стал рекордным в США по количеству автобусных и прочих передвижений, – авиация на обоих побережьях готовилась отразить атаку вражеских бомбардировщиков.

После аншлюса многое изменилось. В конце 1938 года капитулировала Чехословакия. 24 августа 1939 года Германия и Советский Союз подписали договор о ненападении. Через неделю, 1 сентября, немцы вторглись в Польшу. В мае 1940 года нацисты начали блицкриг против западных стран. Немцы двинулись на Францию, по пути раздавив Голландию и Бельгию. В июне они взяли Париж – перепуганные французы даже не успели эвакуироваться. В июле началась битва за Британию, а в сентябре люфтваффе уже бомбили Лондон: «Лондонский блиц», закончившийся в мае 1941 года, унес жизни десятков тысяч британцев и разрушил более миллиона зданий. Гитлер не сомневался, что полностью покорил Западную Европу, и 22 июня напал на СССР. Вермахт стремительно прошел через Западную Россию и 8 сентября осадил Ленинград. Блокада города длилась почти девятьсот дней.

США пока официально держали нейтралитет, но среди американцев ощущалось все возрастающее напряжение. Все пытались как-то готовиться к возможной войне, в том числе и сотрудники американских музеев. Они по большей части составляли планы защиты: думали, как эвакуировать предметы искусства, и настаивали на необходимости кондиционированных подземных хранилищ. Когда нацисты вошли в Париж, директор Художественного музея Толедо написал Дэвиду Финли, директору тогда еще не открытой Национальной художественной галереи в Вашингтоне, о том, что надо создать национальную программу защиты ценностей. «Я понимаю, что [вторжение] кажется сегодня едва ли возможным, – писал он, – но еще недавно французы думали точно так же». Британцы потратили почти год на то, чтобы превратить огромную шахту в уэльском Маноде в безопасное хранилище для эвакуированных произведений искусства. Но будет ли у американского художественного сообщества год на подготовку?

После Перл-Харбора – беспрецедентного в истории страны нападения на американскую территорию – необходимость решительных действий стала очевидной. В любую секунду можно было ожидать воздушной атаки на любой крупный город Америки. Вторжение Германии или Японии, а то и обеих стран одновременно уже не казалось невероятным. Японские залы Музея изящных искусств в Бостоне закрыли, опасаясь гнева разъяренной толпы. Из экспозиции Художественной галереи Уолтерса в Балтиморе убрали золото и драгоценности, чтобы в случае чрезвычайной ситуации не искушать вооруженных топориками пожарных. Музей Метрополитен в Нью-Йорке с наступлением темноты закрывался, чтобы, если внезапно отключат электричество, никто ничего не сломал и не украл. Каждый вечер сотрудники Музея современного искусства (*МоМА*) переносили экспозицию в бомбоубежище, а утром возвращали ее на место.

В Коллекции Фрика по вечерам затемняли окна и отключали подсветку, пытаясь скрыть особняк в центре Манхэттена от вражеских бомбардировщиков.

Обо всем этом думали сорок четыре человека, которые холодным утром 20 декабря 1941 года поднимались по лестнице музея Метрополитен. Каждому из них пришла телеграмма с приглашением на встречу, которую устраивали Фрэнсис Генри Тейлор, директор музея Метрополитен и президент Ассоциации директоров художественных музеев, и Дэвид Финли, директор Национальной художественной галереи. Эти люди составляли костяк музейной элиты Восточного побережья: директора Коллекции Фрика, Музея естественной истории Карнеги, Музея современного искусства, Музея американского искусства Уитни, музеев Смитсоновского института и крупнейших музеев Балтимора, Бостона, Детройта, Чикаго, Сент-Луиса и Миннеаполиса. В числе приглашенных были такие знаменитые музейщики, как Джер Эбботт, Уильям Валентайнер, Альфред Барр, Чарльз Сойер и Джон Уокер.

Приехал на встречу и Пол Сакс, заместитель директора гарвардского Художественного музея Фогга. С скромные размеры музея не помешали Саксу сделаться одним из самых влиятельных людей в музейном мире. Он был сыном одного из совладельцев инвестиционной фирмы *Goldman Sachs* (его основатель Маркус Гольдман приходился ему дедом по материнской линии) и благодаря этому стал главным связующим звеном между музейным сообществом и состоятельными еврейскими банкирами Нью-Йорка. Но, что еще важнее, Сакс был наиболее авторитетным преподавателем музееведения. В 1921 году он основал в Гарварде первую академическую программу «Работа в музее и проблемы музея», созданную исключительно для того, чтобы готовить будущих музейных директоров и кураторов. Студентов учили не только искусствоведческим, но и финансовым и административным аспектам музейной работы, в частности – тому, как собирать пожертвования. Студенты были обязаны регулярно ходить на встречи с коллекционерами и банкирами. Зачастую эти встречи проводились в форме званых ужинов, и от студентов требовалось являться в парадной одежде и демонстрировать изысканные манеры. К 1941 году воспитанники Сакса начали занимать ведущие позиции в американских музеях, а после войны окончательно «завоевали» отрасль.

Насколько распространялось влияние Пола Сакса? Вот один простой пример: Сакс был невысокого роста и потому развешивал картины довольно низко. Когда после войны начался расцвет американских музеев, большинство директоров располагали картины ниже, чем их коллеги в Европе. Для студентов Сакса его способ развешивать картины был эталоном, а затем на них стали ориентироваться и другие музейщики.

По настоятельной просьбе Джорджа Стаута, руководителя отдела реставрации и консервации Музея Фогга, Сакс всерьез изучил состояние европейских музеев. Совместно с коллегами он подготовил небольшой доклад, сопровождавшийся показом слайдов, в котором рассказывал о грозящей мировому искусству опасности. И вот 20 декабря 1941 года, когда в зале погасли огни и на стене появились слайды Сакса, перед директорами величайших американских музеев открылось чудовищное зрелище нацистских преступлений. Опустевшая Национальная галерея в Лондоне – ее собрание было похоронено в шахте в Маноде. Залы Галереи Тейт, усыпанные осколками разбитого стекла. Неф Кентерберийского собора, засыпанный землей и глиной, чтобы защитить его от ударной взрывной волны. Был на слайдах и самый знаменитый музей Нидерландов, амстердамский Государственный музей (Рейксмузеум), в котором картины великих голландских мастеров были свалены к стене, словно складные стулья. Жемчужину коллекции, необъятных размеров «Ночной дозор» Рембрандта, скатали в рулон, как ковер, и убрали в ящик, похожий на гроб. В огромной и когда-то великолепной картинной галерее парижского Лувра на стенах остались только пустые рамы.

Глядя на это, американские музейщики вспоминали о многом. Об украденных из Польши шедеврах, о которых вот уже несколько лет никто ничего не слышал. О том, как в отместку за то, что переговоры о капитуляции Нидерландов затянулись, летчики люфтваффе

стерли с лица земли исторический центр Роттердама. О том, как венских коллекционеров держали под арестом, пока они не согласились отдать нацистам свои собрания. О том, как перепуганные итальянские власти заложили кирпичами «Давида» Микеланджело, несмотря на то что он стоял во всемирно известном музее в самом центре Флоренции. Нельзя было забыть и о русском Эрмитаже. Его сотрудникам удалось переправить в Сибирь 1,2 миллиона картин из примерно двухмиллионного собрания, до того как вермахт перекрыл железнодорожное сообщение с Ленинградом. А теперь, в декабре 1941-го, по слухам, сотрудники Эрмитажа жили в подвалах музея, охраняя шедевры и питаясь костным клеем и свечами.

Благодаря своему докладу Сакс добился желаемого – мобилизовал музейное сообщество. К вечеру все согласилось с тем, что пока позволяют обстоятельства, американские музеи будут открыты для публики. Но надо было как-то защитить собрания. Еще два дня руководители музеев взволнованно и горячо обсуждали практические и стратегические вопросы работы в военное время. В случае воздушной атаки открывать ли двери для всех желающих укрыться? Следует ли временно спрятать самые ценные экспонаты? Продолжать ли устраивать крупные выставки или нет (ведь они привлекают толпу, не имеющую возможности эвакуироваться)? Не переправить ли экспонаты из музеев, расположенных на побережье, в центр страны? А как уберечь их от бомб с зажигательной смесью? Что делать, когда отключают электричество? А когда выбивают стекла?

Резолюция, в результате составленная Полом Саксом, звучала как призыв к оружию.

Если и в мирное время наши музеи и галереи представляют неоспоримую общественную ценность, то во время войны их ценность возрастает вдвое. Все мелкое и незначительное отступает на задний план, и мы оказываемся лицом к лицу с вечным... Нам необходимо объединить свои силы для защиты интеллектуальных и духовных сокровищ. Мы должны ревностно оберегать все, что унаследовали, все, что способны создать в непростом настоящем, все, что твердо намерены сохранить для будущего.

Искусство выражает непреходящие ценности. Оно всегда было и остается свидетельством независимости мышления...

Мы, нижеподписавшиеся, постановили:

1. Американские музеи готовы делать все от них зависящее, чтобы продолжать служить американскому народу во время нынешней войны.
2. Их двери останутся открытыми для всех, кто ищет поддержки.
3. При соответствующей финансовой поддержке музеи будут работать еще больше и стараться разнообразить свою деятельность.
4. Они станут источником вдохновения, будут рассказывать о прошлом и показывать настоящее в новом свете, будут укреплять моральный дух американцев, от силы которого зависит исход войны.

Звучало все это красиво, но на практике большинство музеев Восточного побережья продолжали готовиться к войне. Музей Метрополитен потихоньку закрыл второстепенные экспозиции; вместо музейных зрителей в залах теперь стояли пожарные. В самом конце декабря из Национальной галереи в Вашингтоне ночью были вывезены 75 главных шедевров. 12 января 1942 года они прибыли в Билтмор, великолепное поместье Вандербильтов в горах Северной Каролины, где их и прятали до 1944 года.

Впрочем, результатом той декабрьской встречи стали не только эвакуации. Пол Сакс и Джордж Стаут пригласили коллег в Музей Фогга на серию семинаров о музейном хранении. Поучиться к Стауту, который долгие годы не терял связи с ведущими хранителями музеев Европы, приехали многие. Он рассказывал, какие трудности могут подстерегать произведения

искусства: грибок, плесень, жара. Он объяснил, чем может быть полезна проволочная сетка, почему от бомбардировок вылетают стекла и как обезопасить картины от повреждений, причиняемых мелкими осколками. Для декабрьской встречи он подготовил брошюру с инструкцией о том, как предохранить произведения искусства от последствий воздушных налетов. Весной 1942 года он расширил брошюру до большой статьи в отраслевом журнале «Технические вопросы». Эта статья стала первой попыткой системного подхода к консервации произведений искусства в военное время.

Не ограничиваясь этим, Стаут настаивал на необходимости всему музейному сообществу действовать сообща. В апреле 1942 года он отправил директору музея Метрополитен Фрэнсису Генри Тейлору письмо, в котором еще раз подробно осветил все проблемы музейной консервации во время войны. Он полагал, что американские музеи не готовы к подобному испытанию, поскольку «не существует ни единого свода знаний, ни общепринятых стандартных процедур». Музеи должны «с готовностью делиться опытом, помогая друг другу пережить не только успехи, но и неудачи, открыто высказывать свои сомнения и защищать убеждения, научиться работать в тесном сотрудничестве... Нам следует поступать по принципу “Один за всех и все за одного”».

Стаут предлагал не ограничиваться одним только обменом информацией. Он настаивал на необходимости немедленно подготовить новый тип музейных хранителей – «специалистов особого назначения», которые могли бы справиться с наибольшей за всю историю западного искусства угрозой. На обучение, предполагал Стаут, понадобится пять лет. Но мировое искусство уже оказалось в опасности. Более двух миллионов произведений европейского искусства покинули уютные музеи и оказались в непригодных временных хранилищах, куда их зачастую везли под обстрелом. Эта цифра соответствовала официальным данным об эвакуации, но уже ползли упорные слухи о массовых нацистских грабежах. Мир искусства лежал в руинах, и требовались невероятные усилия, чтобы восстановить его. А ведь война продолжалась, и все понимали, что в битве за Европу неизбежны новые атаки с земли и воздуха, которые принесут очередные разрушения.

Летом 1942 года Стаут подготовил брошюру под названием «Защита памятников во время войны и послевоенного восстановления». В ней ясно и четко объяснялось, какие проблемы предстоит решать мировому музейному сообществу в самом ближайшем будущем.

В настоящее время солдаты армии Объединенных Наций ведут освободительные бои за земли, захваченные и удерживаемые врагом. И властям этих стран предстоит решить множество новых задач. <...> В деревнях и городах, разоренных огнем и бомбежками, находятся памятники, дорогие жителям этих мест: храмы, часовни, статуи, картины – самые разные произведения искусства. Возможно, какие-то из них повреждены, какие-то уничтожены. И, несомненно, им по-прежнему угрожает опасность уничтожения...

Охрана этих памятников не изменит течения войны. Но она может оказать большое влияние на отношение частных лиц и представителей государств к армии-освободительнице. <...> Охраняя памятники, мы продемонстрируем уважение к культуре и обычаям разных народов и подтвердим, что памятники культуры не могут принадлежать отдельным людям, что они являются общим наследием всего человечества. Охрана памятников становится одной из обязанностей правительств Объединенных Наций. И дело не в том, что эти памятники красивы и ценны как свидетельства творческой силы человека. Они – символ человеческой веры, они – часть борьбы человека за связь со своим прошлым и своим Богом.

Мы глубоко убеждены, что без охраны памятников невозможно вести справедливую войну, и, надеясь на скорый мир <...>, считаем необходимым обратить внимание правительства США на проблемы, связанные с этой сферой, и настойчиво просить поддержки в их решении.

Конечно, никто не смог бы лучше справиться с защитой и охраной памятников, чем идеально вышколенные отряды «специалистов особого назначения», сформированные по инициативе Стаута ранее.

17 сентября 1940

**Приказ фельдмаршала Кейтеля
об изъятии культурных ценностей**

Копия

Глава Верховного командования вооруженных сил Берлин W 35,
Типитцуфер 72-76, 17 сентября 1940
Тел.: 21 81 91

2 f 28.1.4 W. Z. No. 3812/ 40 g

Главе Верховного командования военной администрации
оккупированной Франции

В дополнение к переданному в свое время рейхсляйтеру Розенбергу приказу фюрера обыскивать квартиры, библиотеки и архивы на оккупированных территориях Запада в поисках того, что может представлять ценность для Германии, и охранять находки силами гестапо фюрер принял следующее решение:

Признать (считать) приоритетным статус собственности до объявления войны 1 сентября 1939 года.

Передача собственности французскому государству или любая другая передача, сделанная после этой даты, не признается законом (как, например, польские и словацкие библиотеки в Париже, владения дома Ротшильдов и любые другие еврейские владения). Претензии к розыску, конфискации и отправке в Германию такого имущества приниматься не будут.

Рейхсляйтер Розенберг и/или его заместитель Эберт получили четкие инструкции лично от фюрера. Они уполномочены отправлять в Германию все предметы, представляющие, на их взгляд, культурную ценность, и обеспечить их охрану. Решение об их использовании фюрер оставляет за собой.

Все службы, которым необходимо об этом знать, должны быть поставлены в известность.

Подпись: Кейтель

Для ознакомления: рейхсляйтеру Розенбергу

Глава 4

Пустой и серый мир Гарвард и Мэриленд Зима 1942–1943

Джордж Стаут не был типичным музейным работником. В отличие от многих своих коллег, принадлежавших к элите Восточного побережья, Стаут родился в семье простого рабочего в городе Уинтерсет, штат Айова (между прочим, там же родился и актер Джон Уэйн). Всю Первую мировую войну он прослужил рядовым в одном из госпиталей в Европе. Вернувшись с войны, решил заняться рисованием. Окончив университет Айовы, пять лет работал на низкооплачиваемых должностях, откладывая деньги на поездку по культурным центрам Европы, что в то время считалось обязательным для карьеры в сфере искусств. В 1926 году 28-летний Стаут поступил в аспирантуру Гарварда (в Карлсруэ в это время родился Гарри Эттлингер), он недавно женился и ждал первенца. Жили супруги на стипендию – 1200 долларов в год (аренда квартиры обходилась в 39 долларов в месяц), и этих денег семье «едва хватало, чтобы не умереть с голоду».

В 1928 году Стаут устроился волонтером в небольшой отдел реставрации и консервации при Художественном музее Фогга. Реставрация и консервация были самыми непопулярными дисциплинами на кафедре истории искусств, а Стаут – пожалуй, единственный из студентов – изучал их наиболее прилежно. На кафедре, где почти все были позерами и хвастунами, кичившимися знакомством с профессорами-суперзвездами вроде Пола Сакса, Стаут казался серой мышью. Зато он был педантичен и дотошен, что проявлялось и в его внешнем виде: зачесанные назад черные волосы, безупречные шерстяные костюмы и тонкие усики на манер Эррола Флинна. Но за внешней бесстрастностью Стаута, всегда элегантного и подчеркнуто вежливого, скрывался выдающийся ум, способный перерабатывать гигантские объемы информации и заглядывать далеко в будущее.

Стаут обладал и еще одним важным качеством: исключительным терпением.

Вскоре после того как Стаут пришел на работу в отдел реставрации и консервации, он заметил в университетской библиотеке заброшенный каталог, и ряды узких картотечных ящиков навели его на блестящую идею. Отдел реставрации располагал внушительной коллекцией материалов для живописи: пигментов, камней, высушенных растений, масел, смол и балзамов, разных видов камеди и клея. С помощью университетского химика Джона Геттенса Стаут на каждую каталожную карточку наносил немного того или иного материала, добавлял различные химические вещества и наблюдал за результатами соединений. Записывал. Снова наблюдал. И ждал – годами. Так с помощью старого библиотечного каталога Стаут и Геттенс положили начало исследованиям сразу в трех направлениях реставрационной науки: изучение сырьевых материалов, причины повреждений полотен и способы борьбы с ними. «Думаю, тогда, в самом начале, у нас потому что-то получилось, – говорил Геттенс незадолго до смерти в 1974 году, – что нас никто не знал и нам никто не мешал, – да и денег у нас не было».

Успех вдохновил Стаута, все еще известного только горстке специалистов, и он поставил перед собой еще более амбициозную задачу. На протяжении веков консервацию считали искусством, а занимались ею исключительно реставраторы, которых обучали как мастеров, умеющих «доделывать» произведения искусства. Но если в результате экспериментов Стаута консервации суждено было стать новой наукой, то ей требовался свой научный аппарат. В течение 1930-х годов Стаут наладил регулярную переписку с величайшими реставраторами своего времени, и вместе они постепенно выработали правила оценки и сохранения картин и предметов искусства.

Все начало меняться в июле 1936 года, когда испанские фашисты с немецким оружием в руках втянули свою страну в гражданскую войну. В октябре бомбы рвались уже в опасной близости от Эскориала, грандиозного монастыря-музея в 50 километрах к северо-западу от Мадрида. Вскоре в испанском Национальном музее Прадо были выбиты все стекла. Весной 1937 года в конфликт вмешались немецкие танковые и воздушные войска. Эта тактика массированного наступления стала основой для доктрины немецкого «блицкрига».

Только тогда мир искусства осознал, что вооруженная до зубов Германия с ее тактикой массированных бомбежек может стереть с лица земли значительную часть культурного наследия континента. Великобритания и страны континентальной Европы стали срочно составлять планы по охране и эвакуации памятников, а Джордж Стаут начал потихоньку разрабатывать приемы, необходимые для работы в военное время. К встрече в музее Метрополитен в декабре 1941 года он написал инструкцию о подготовке к воздушной атаке. Плоды десятилетнего труда он сумел вместить в брошюру в несколько страниц. И в этом был весь Джордж Стаут – внимательный к деталям, сдержанный и чуткий к требованиям времени. Этот пунктуальный и педантичный человек не терпел спешки. «Экспертиза должна быть точной, – любил повторять он. – Сначала анализ, и только потом – вывод».

Следующие полтора года Стаут обучал кураторов и пытался убедить чиновников принять программу охраны памятников на государственном уровне. Но ничего не получалось, и к концу 1942 года даже невозмутимый Стаут почувствовал себя не у дел. Он посвятил всю свою жизнь экспертизе в скромнейшей области истории искусства, и внезапно цепь мировых событий вывела эту экспертизу на первый план. И вот когда охрана искусства действительно оказалась нужна, когда всемирное культурное наследие нуждалось в спасении и нельзя было терять ни секунды, никто не желал его слушать. Вопрос охраны искусства во время войны оказался в руках музейных директоров, которых Стаут называл «саибам». Стаут был трудягой и испытывал обычную неприязнь синего воротничка к белым: к миру управленцев, совещаний, переговоров и расшаркивания с клиентами.

«Я чертовски устал от всех этих игр, на которые музейная администрация тратит львиную долю времени, – писал он своему другу из Художественного музея Фогга. – Пытался бунтовать, да все без толку. Я верю, что еще лет двадцать я буду трудоспособен. Этого достаточно для работы, но на интриги это время тратить жалко. Довольно с меня валять дурака и заискивать перед богатыми, делая бумажные самолетики из наших принципов, только чтобы порадовать меценатов».

Стаут был уверен в том, что только «специалистам особого назначения», обученным консервации и служащим в рядах армии, можно доверить сохранение культурного наследия в период Второй мировой войны, в то время как музейные директора «валяли дурака» и пытались, заручившись поддержкой президента Рузвельта, пролоббировать создание в армии культурного комитета, который, вне всяких сомнений, предполагалось составить из самих директоров.

В начале 1943 года, разочаровавшись в Америке, Стаут и его коллега-консерватор У. Г. Констебль из Музея изящных искусств в Бостоне обратили свои взоры на Великобританию. В письме директору Национальной галереи в Лондоне Кеннету Кларку они изложили свою концепцию специальных отрядов хранителей памятников. Идея показалась Кларку абсурдной. «С трудом могу себе представить, – писал он в ответном письме, – организацию, которая занималась бы воплощением в жизнь ваших предложений. Но даже если на секунду вообразить, что каждую наступающую армию и правда удастся снабдить археологом, что-то подсказывает мне, что ему будет крайне непросто запретить командиру стрелять по важным военным объектам, если на их территории есть пара памятников».

Возможно, Джордж Стаут не прочел этого письма. В январе 1943 года Америка вступила в войну и отчаянно нуждалась в добровольцах. Тогда Стаут оставил свою программу консер-

вации и поступил на действительную службу во флот, в котором со времен Первой мировой числился резервистом. «В последние несколько месяцев, – писал он домой, прибыв на авиационную базу ВМС на реке Патаксент, штат Мэриленд, – от меня не было никакой пользы. В это тяжелое для страны время мне не удалось выполнить свой долг. В мою работу вмешивались другие люди, обесценивая ее. Но теперь у меня есть возможность пригодиться в деле, требующем много большего, чем каждый из нас может предложить».

Хотя военная тайна не позволяла ему сообщить жене, чем именно он занимается, – он испытывал новую камуфляжную краску для истребителей, – Стаут заверял ее, что счастлив: «...Я чувствую такую отдачу и ответственность, что одновременно рад и напуган. Если нам удастся совершить задуманное или хотя бы значительную его часть, я буду знать без всяких сомнений, что значит “внести свой вклад”».

Вскоре после этого Стауту написал его друг Констебль, сообщая, что полковник Джеймс Шумейкер, глава одного из управлений Военного командования США, проявил неожиданный интерес к памятникам и их охране. Констебль предупреждал: «Хотя все указывает на то, что военные всерьез задумались о создании отрядов охраны памятников, непонятно, насколько эта идея может воплотиться в жизнь, и вполне возможно, что этого никогда не произойдет».

Стаут ответил: «Утешает уже то, что наша размытая идея обретает более четкую форму в армейских умах. <...> Несколько дней назад мне звонил Фрэнсис Тейлор. Он тоже предлагает армии большой план. Но он показался мне усталым и разочарованным, так что, кажется, дела его идут не слишком хорошо. Возможно, если попытаться менять положение дел понемногу, но настойчиво, это принесет больше пользы».

В то же время Стаут заверил Констебля, что служба во флоте ему «решительно по нраву» и что бросать ее он не собирается. «Я готов оказать любую помощь, – писал он, – но трудно представить, как именно я могу пригодиться и откуда мне выкроить на это время».

И все же решение пойти во флот далось ему нелегко: не из-за программы охраны памятников, с которой он уже мысленно распрощался, а из-за семьи: жены и двух сыновей. Он служил в чине лейтенанта, и ему полагалось жалованье чуть выше обычного, но этого еле хватало, чтобы поддерживать даже тот скромный образ жизни, к которому привыкли Марджи и дети за годы его каторжного труда по непонятной специальности. Он был настоящим мужчиной и считал своим долгом содержать семью. К тому же ему была тяжела мысль о разлуке с родными.

«После этих чудесных часов, проведенных дома, мир кажется пустым и серым, – писал он Марджи после короткой побывки в июле 1943 года. – Как же меня растрогали вы с Томом [семилетним сыном Стаута], ваше мужество и ваша непостижимая любовь. Я не заслуживаю ее, но я верну ее сторицей и клянусь всем, что мне дорого, быть ее достойным. Мне приходится все время повторять себе, что я все делаю правильно и что не только из-за какого-то романтического порыва я оставил вас бедствовать».

5 ноября 1940

Приказ рейхсмаршала Германа Геринга о распределении конфискованных у евреев ценностей

Для эффективного выполнения главой Военной администрации Парижа и Оперативным штабом Розенберга мер по охране произведений искусства, конфискованных у евреев, следует разделить перемещаемые в Лувр предметы искусства на следующие категории:

1. Предметы искусства, решение о дальнейшей судьбе которых фюрер оставляет за собой.
2. Предметы искусства, предназначенные для коллекции рейхсмаршала.
3. Предметы искусства и библиотечные материалы, необходимые для создания Высшей партийной школы и для нужд рейхсляйтера Розенберга.
4. Предметы искусства, предназначенные для передачи в немецкие музеи, должны быть немедленно инвентаризованы, упакованы и транспортированы в Германию Оперативным штабом. При необходимости помощь штабу обязаны оказывать силы люфтваффе.
5. Предметы искусства, предназначенные для передачи во французские музеи и для продажи в Германии и Франции, будут выставлены на аукционе, дата которого будет объявлена дополнительно. Вся прибыль должна быть передана Франции для восстановления урона от военных действий.
6. Оперативный штаб Розенберга в сотрудничестве с главой Военной администрации Парижа продолжит, не снижая эффективности, проводить во Франции изъятия у евреев художественных ценностей.

Париж, 5 ноября 1940

Это предложение передается фюреру, после одобрения которого процедура вступает в силу.

Подпись: Геринг

Глава 5

Лептис-Магна

Северная Африка

Январь 1943

Пока американцы нервничали и готовились к войне, британцы уже сражались против гитлеровской коалиции. В Европе армия союзников состояла в основном из партизан и храбрых пилотов, противостоящих немецким летчикам в небе над Ла-Маншем. В СССР Красная Армия отчаянно пыталась остановить наступление нацистов. На Ближнем Востоке война волнами накатывала на великую пустыню Северной Африки. Британцы обосновались в Египте, итальянские и немецкие войска засели на западе, в Ливии и Алжире. Два года, начиная с итальянской атаки на Египет в 1940 году, война кочевала по пустыне, победу одерживали то нацисты, то союзные войска. Только в октябре 1942 года после битвы при Эль-Аламейне британцы наконец начали решительное наступление в сторону ливийской столицы Триполи.

К январю 1943 года они достигли Лептис-Магны, древнего римского города, расположенного в ста тридцати километрах к востоку от Триполи. Так подполковник королевской артиллерии британской Северо-Африканской армии Роберт Эрик Мортимер Уилер впервые увидел своими глазами величественный город императора Луция Септимия Севера: грандиозную базилику, сотни колонн, окружавших древний форум, огромный амфитеатр – и все это на фоне безупречно голубых вод Средиземного моря. В конце второго века нашей эры император Север вложил немало денег, мечтая превратить свой родной портовый город в культурную и экономическую столицу Африки. Тогда Лептис-Магна переживала времена своего расцвета, но за прошедшие с тех пор семнадцать столетий порт занесло илом, а город превратился в застывшую глиняную пустыню – пустой и серый мир.

«Вот где чувствуется сила, – думал Мортимер Уилер. – И то, что все мы не вечны».

Город был разрушен, заброшен и понемногу скрывался под песками подбиравшейся к нему Сахары. Большая часть руин и колонн потускнела и сливалась с красноватым песком. Но посреди развалин блестели белыми вкраплениями «улучшения и дополнения», сделанные итальянцами в последнее десятилетие. «Из руин старой империи поднимается новая, – частенько повторял Муссолини. – Мы строим новую Римскую империю». Уилер глотнул из фляжки, выглядывая в небе следы вражеских истребителей. Ни одного. Уже во второй раз итальянцы сдали форпост своей «империи» без боя. Впервые это произошло в 1940 году в Египте, когда британские и австралийские войска числом 36 тысяч человек разгромили двухсоттысячную 10-ю итальянскую армию.

Британцы покинули Лептис-Магну в 1941 году, когда итальянская армия, укрепленная передовыми нацистскими отрядами под руководством немецкого генерала Эрвина Роммеля, отбросила их в Египет. Вскоре после этого итальянцы выпустили пропагандистскую брошюру «*Che cosa hanno fatto gli Inglesi in Cirenaica*» – «Что натворили англичане в Киренаике». В ней утверждалось, что разграбленные памятники, разрушенные статуи и изрисованные стены музея Кирены – главного города Киренаики, расположенного в 600 километрах к востоку от Лептис-Магны, – дело рук британских и австралийских солдат. Только отвоевав Кирену, британцы смогли убедиться, что это неправда: скульптуры были сломаны столетия назад, пьедесталы стояли пустыми, потому что статуи с них сняли сами итальянцы, а настенная живопись покрывала не залы музея, а служебные помещения – и авторами граффити были как британские, так и итальянские солдаты.

Но все же эта история попортила немало крови британцам. На протяжении двух лет правительству пришлось защищаться от обвинений, которые невозможно было ни подтвердить,

ни опровергнуть. Британских археологов в Северной Африке не было, и, пока город находился под властью британцев, никому и в голову не приходило следить за состоянием достопримечательностей. Более того, во всей британской армии не было человека, который сознавал бы историческую и культурную, а значит, и пропагандистскую ценность Кирены.

И вот Уилер стоял в самом сердце Лептис-Магны и с удивлением наблюдал, как британская армия в очередной раз повторяет ту же ошибку. Слева от него армейские грузовики катили по древней римской каменной кладке, по развалинам справа карабкались солдаты. Араб-караульный ничего не успел предпринять, когда мимо него проскрежетал танк и заехал прямо в храм. Крышка танка открылась, оттуда вылез пулеметчик и помахал рукой. Его приятель шелкнул затвором фотоаппарата. «В Северной Африке отлично, мама, жаль, тебя тут нет». Неужели британская армия так и не смогла извлечь урок из киренского фиаско? Похоже, что на этот раз итальянцам и правда будет на что жаловаться.

– Сэр, неужели мы не остановим варварство? – спросил Уилер у замначальника отдела по связям с гражданской администрацией и населением. Его управление отвечало за порядок на завоеванных территориях в отсутствие военных действий. Эта служба поддерживала мир, даже когда мир отделял от линии фронта всего километр-другой.

– Солдаты есть солдаты, – пожал плечами офицер.

– Но это же Лептис-Магна, – возразил Уилер. – Великий город римского императора Луция Септимия Севера. Из всех римских руин на территории Африки он сохранился лучше всего.

Офицер бросил на него недовольный взгляд и буркнул:

– Впервые слышу.

Уилер покачал головой. О Киренаике было известно каждому офицеру. Но офицер гражданского командования британской Северо-Африканской армии не получил никаких инструкций о Лептис-Магне, хотя было наверняка известно, что армия будет здесь сражаться. Почему? Им мало обвинений в вандализме? Неужели во время этой войны сначала совершают ошибки и только потом о них задумываются?

– Они что, такие уж важные? – спросил офицер.

– Что?

– Ну, эти развалины?

– Это классические античные руины, да. И они представляют огромную ценность.

– Почему?

– Потому что их ничем нельзя заменить. Потому что они – история. Сэр, наш военный долг состоит в том, чтобы оберегать их. Иначе враг использует это против нас.

– Лейтенант, вы историк?

– Я археолог. Директор Лондонского музея.

Офицер кивнул:

– Ну тогда действуйте, директор.

Как только Уилер осознал, что офицер не шутит, он принялся за дело. По счастливому совпадению оказалось, что его коллега-археолог из Лондонского музея, подполковник Джон Брайан Уорд-Перкинс, служит капитаном в артиллерийских войсках, расквартированных неподалеку от Лептис-Магны. При помощи отдела по связям с гражданской администрацией им удалось организовать обходную дорогу, с помощью фотосъемки зафиксировать нанесенный ущерб, поставить охранные посты и даже провести в разрушенном городе кое-какие реставрационные работы. «По крайней мере, – думали они, – будет чем занять солдат».

В Лондоне их отчеты встретили с искренним недоумением. Лептис-Магна? Охрана памятников? «Давайте пошлем это Вулли, – решили наконец в командовании. – Он знает, что делать».

Лорд Чарльз Леонард Вулли – всемирно известный археолог, который перед Первой мировой войной был близким другом Томаса Эдварда Лоуренса, более известного как Лоуренс Аравийский. Сейчас лорд Вулли, разменявший шестой десяток, служил в Военном министерстве Великобритании в совершенно не имеющей отношения к его специальности должности. Конечно, Вулли волновала судьба античного культурного наследия, и к весне 1943 года он вместе с Уилером и Уорд-Перкинсом составлял план охраны трех античных ливийских городов.

Уилер и Уорд-Перкинс настаивали на том, что следует не только охранять памятники, но и «открыть солдатам доступ к древним достопримечательностям и музеям [памятникам античности в Северной Африке], чтобы они привезли домой интерес к древности». Иными словами, информированная армия – это почтительная и дисциплинированная армия. А почтительная и дисциплинированная армия будет стараться не навредить. Сами того не зная, британцы медленно двигались в том же направлении, за которое так радел в США Джордж Стаут: они создавали первую в мире программу по охране памятников, оказавшихся на линии фронта.

Глава 6

Операция первая

Сицилия, Италия

Лето 1943

В январе 1943 года, когда Уилер и Уорд-Перкинс спасали Лептис-Магну, а Джордж Стаут служил во флоте в Мэриленде, в марокканской Касабланке тайно встретились президент США Рузвельт и британский премьер-министр Уинстон Черчилль (был приглашен и Иосиф Сталин, но он не приехал). Северная Африка была в руках союзников, французские и британские силы вытеснили итальянцев из Алжира, но в Европе дела шли намного хуже. Рузвельт, на которого давило военное командование США, прежде всего генерал Джордж Маршалл, хотел немедленно форсировать Ла-Манш. Черчилль и его советники, включая американского генерала Дуайта Эйзенхауэра, считали, что союзные силы пока не готовы к такому броску. После десяти дней переговоров они приняли решение: атаковать Европу, но не со стороны Ла-Манша. Они найдут через заднюю дверь – с острова Сицилия.

Операция на Сицилии обещала стать беспрецедентной. США и Великобритания договорились о совместном руководстве всеми действиями, начиная с авиационных налетов и заканчивая устройством прачечных в тренировочном лагере в Алжире. Объединить две независимые армии оказалось, конечно, непросто. Последствия путаницы в новом командовании почти сразу ощутили на себе войска, расположенные в Северной Африке. Еда была британской, а туалеты – французскими, хотя по-хорошему надо было сделать наоборот. Но это были еще цветочки, самое трудное ждало впереди.

Среди многочисленных обязанностей, которые теперь делили две державы, фигурировало и выполнение новой программы охраны памятников, созданной Уилером и Уорд-Перкинсом на руинах Лептис-Магны. В конце апреля 1943 года было решено командировать на Сицилию двух офицеров, одного от британской и одного от американской армии, чтобы они «в кратчайшие сроки» осмотрели все памятники. Наконец-то Пол Сакс и его коллеги-музейщики получили шанс вмешаться в военную политику: армия обратилась к ним с просьбой порекомендовать кого-нибудь на должность американского советника по вопросам памятников и изящных искусств. Предложенный ими директор музея Метрополитен Фрэнсис Генри Тейлор, мастер «подковерной интриги», которая так мешала Джорджу Стауту, не смог пройти призывную комиссию, потому что был... в общем, полноват. Время поджимало, и пришлось искать кандидатуру непосредственно в армии. В итоге выбрали капитана Мейсона Хэммонда – профессора-античника из Гарварда, который в годы войны служил в разведке ВВС.

К сожалению, никто не сообщил Хэммонду, в чем именно состоит его задание. Он прибыл в Алжир, зная только, что будет заниматься охраной памятников. Впереди его ждали открытия гораздо более неприятные, чем ужасная еда и отвратительные туалеты.

Он прибыл в июне. Ему сообщили, что его «высадка» планируется на начало июля.

Высадка? Но он думал, что будет служить тут, в Северной Африке.

Нет, ответили ему. Он отправляется на Сицилию.

Тогда ему необходимо посетить библиотеку в Алжире и освежить свои знания. Он же не специалист по Сицилии.

Нам очень жаль, но вам запрещено заниматься исследовательской работой. Она может выдать немецким шпионам цель союзнической армии.

Тогда ему хотелось бы изучить военные архивы о Сицилии.

Никаких архивов – по той же причине.

Но есть же, наверное, списки тех памятников, которые он должен защищать? Увы, над ними пока работают Пол Сакс и его коллеги в Нью-Йорке. Им, возможно, понадобится еще несколько недель. Но даже если бы списки уже были составлены, доступ к ним был бы запрещен. Сами должны понимать – немецкие шпионы. Списки будут отправлены на Сицилию и переданы командованию после высадки.

Тогда он настаивает на немедленном разговоре с коллегами по охране памятников.

Коллегами? У него только один коллега. Англичанин. И он... В общем, его нет. Лорд Вулли, руководивший операцией со стороны британцев, собирался назначить на эту должность Уилера или Уорд-Перкинса. Но оба после Лептис-Магны вышли в отставку, и подходящей замены пока не нашлось.

Не нашлось?

Нет другого человека. Во всяком случае, пока нет.

Что насчет штаба?

Нет штаба.

Транспорт?

Не полагается.

Пишущие машинки? Рации? Фонарики? Карты? Бумага и ручки?

Снабжения не выделено.

Приказы сверху?

Никаких приказов. Что хотите, то и делайте.

Столкнувшись на месте с реальностью, Хэммонд осознал, что никакого задания для него на самом деле не было. «Свобода действий» оказалась эвфемизмом для «ничегонеделания». Это не слишком беспокоило Хэммонда. «Сомневаюсь, – писал он из Северной Африки другу, – что для этой работы требуется большой штат специалистов. Они тут ни к чему, да и вряд ли военные сильно обрадуются, если вокруг них будут бегать толпы искусствоведов, указывая, куда можно стрелять, а куда нельзя». Так что даже первый хранитель памятников – как прозвали их позже – поначалу считал всю затею не более чем глупой тратой времени.

В ночь с 9 на 10 июля 1943 года союзники высадились на Сицилии. Хэммонд стоял далеко не первым в листе ожидания на переезд и прибыл только 29 июля, когда передовые отряды давно покинули береговую линию. Первым местом назначения были для него Сиракузы. Стояла жара, но дул приятный ветерок. Местные власти встретили его восторженно – они были только рады избавлению от итальянских и немецких войск, которые ужасно обращались с людьми и памятниками, – и повели на осмотр достопримечательностей. Хотя город лежал прямо на пути армии, здесь ничего не пострадало. Затем Хэммонд отправился на южный берег острова, где не было никаких памятников: лишь пологие склоны, у подножия которых плескалось море. Еще через несколько дней он стоял посреди выжженных безжалостным сицилийским солнцем развалин древнего Акрагаса. Городу был, без сомнения, причинен огромный ущерб, но не в последнее тысячелетие. Пока что предсказание Хэммонда сбывалось: хранителю памятников заняться на Сицилии было нечем, если не считать ритуальных встреч с местными работниками культуры.

Реальность открылась ему в сицилийской столице Палермо. Союзники разбомбили город, уничтожив старый порт, бесчисленное количество соборов и храмов, государственную библиотеку, архивы и ботанические сады. Каждый чиновник в городе требовал от Союзного военного правительства (СВП) немедленных действий, и всех в итоге перенаправляли к одному несчастному капитану, занимавшему складной стул в обшарпанном уголке общего кабинета. Местные власти были бы рады помочь, но им требовались разъяснения, заключения экспертов, финансирование, оборудование, квалифицированные мастера для немедленной реставрации зданий, находящихся в аварийном состоянии. Архиепископ просил уделить особое внимание соборам, храмам и... собственному палаццо. Генерал Паттон, командующий 7-й армией

США, захватившей город, требовал денег на ремонт и отделку армейских барачных корпусов, которые были устроены в бывшем дворце сицилийского короля.

Хэммонд не успевал даже выслушать все эти запросы, не то чтобы на них ответить. Целый месяц он не мог выйти из кабинета, чтобы самому осмотреть местные достопримечательности. На пишущей машинке, привезенной из дома, он строчил рапорты начальству и длинные письма домой с просьбами об информации и поддержке. Ответа не было до сентября, когда на подмогу наконец прибыл британский защитник памятников капитан Ф. Г. Д. Максе. Но он опоздал. 3 сентября 1943 года союзные войска переправились с Сицилии в материковую Италию, а окончательно запутавшийся Хэммонд застрял в Палермо, в сотнях километров от них. Даже маленькая, сравнимая едва ли не с деревней Сицилия поставила перед еще не рожденным отделом по охране памятников, изящных искусств и архивов почти неразрешимую задачу.

* * *

10 сентября 1943 года, через неделю после высадки союзников на материковой части Италии, Пол Сакс отправил Джорджу Стауту следующее письмо: «Мне следовало написать вам раньше, чтобы сообщить, что ваша идея наконец-то воплотилась в жизнь, да еще и обрела официальную форму, и, как вам должно быть уже известно, Президент поручил создать Американскую комиссию по защите и охране художественных и исторических памятников Европы, председателем которой назначен судья [Верховного суда] Робертс, а я получил приглашение стать членом этой комиссии, которое принял... Мне показалось необходимым сразу же написать вам об этом, потому что комиссия стала результатом титанической работы вашей мысли и осуществлением ваших предложений, ясно высказанных на встрече в музее Метрополитен после Перл-Харбора. Вне всяких сомнений, вы стали отцом всего предприятия... Я совершенно уверен, что созданием этой комиссии мы обязаны вашей инициативе и вашей энергии».

Можно себе представить, что чувствовал Стаут, читая это письмо. Да, он был, несомненно, отцом, но что именно он породил? Не отряд специалистов, сражающихся на линии фронта, о котором мечтал, а очередного бюрократического монстра. После двух лет усилий Пол Сакс и его коллеги-директора воплотили в жизнь свою, а не его идею.

13 сентября, когда 5-я армия США отчаянно сражалась за побережье Салерно, Стаут отправил Саксу ответ. «Я поздравляю правительство США и председателя Американской комиссии с принятием вас на службу, – писал он в привычном для себя едком, остроумном и слегка самоуничижительном тоне. – Вы очень добры, превознося мой вклад во всю эту затею, но вы чертовски преувеличиваете. Чтобы сообразить, что надо делать, большого ума не требуется. А вот реализация имеет огромное значение».

20 марта 1941

**Рапорт фюреру Альфреда Розенберга,
главы нацистской мародерской организации,
известной как Оперативный штаб Розенберга**

Докладываю о прибытии 15 сентября сего года особого поезда с основным грузом бесхозного еврейского «культурного имущества» в безопасную зону Нойшванштайн. О сохранности груза позаботился мой штаб в Париже. Особый поезд, выделенный рейхсмаршалом Германом Герингом, составил 25 вагонов с наиболее ценными картинами, мебелью, гобеленами,

художественно-прикладными работами и орнаментами. Большую часть груза составили коллекции Ротшильдов, Зелигманнов, Бернхайм-Жёнов, Хальфенов, Каннов, Вайль-Пикардов, Вильденштайнов, Давид-Вейлей, Леви-Бенционов.

Мой штаб начал действия по конфискации в Париже в октябре 1940 года, следуя Вашему приказу, мой фюрер. При помощи Секретной службы (СС) и Тайной полиции были обнаружены все тайники и хранилища предметов искусства, принадлежавших беглым евреям. Затем все эти предметы были собраны в помещениях, предоставленных парижским Лувром. Искусствоведы моего штаба произвели научную систематизацию всех предметов искусства, сфотографировав наиболее ценные экспонаты. По завершении этой работы я буду готов предоставить Вам исчерпывающий каталог всех конфискованных работ с точными данными об их происхождении, их научной оценкой и описанием. На данный момент опись включает в себя более 400 отдельных произведений искусства, многие из которых имеют высочайшую художественную ценность. Кроме того, некоторое время назад особый поезд с шедеврами, лично отобранными рейхсмаршалом в основном из коллекции Ротшильдов, прибыл в Мюнхен. Они помещены в хранилище фюрера.

На защищенном складе в Париже дополнительно хранится значительное число бесхозных еврейских культурных ценностей. Они будут подготовлены для отправки в том же порядке. Предоставить точные сведения об объеме оставшегося груза пока не представляется возможным, но работа в западном регионе должна быть полностью закончена в течение ближайших двух-трех месяцев. Тогда в Германию можно будет отправлять следующий поезд.

Берлин, 20 марта 1941

А. Розенберг

Глава 7

Монтекассино

Южная Италия

Зима 1943 –1944

9 сентября 1943 года 5-я армия США высадилась в материковой Италии под Салерно. Высадка должна была застать врага врасплох, и поэтому в ней не участвовали ни авиация, ни флот. Но прямо у берегов Салерно союзные войска были встречены немцами, по-английски кричавшими в мегафоны: – Выходите и сдавайтесь. Вы под прицелом.

Американцы вступили в бой, и это была одна из самых кровавых битв за всю историю войны. Да и дальнейшая кампания выдалась тяжелой. Например, битва за важные аэродромы возле Фоджи была такой кровопролитной, что после нее жалкие остатки 82-й воздушно-десантной дивизии пришлось объединить с британским 10-м корпусом.

И все же 1 октября 5-я армия захватила свою главную цель – южный порт Неаполь. Она немедленно отправилась дальше, 6 октября достигнув горного подъема у реки Вольтурно. Ей предстояло преодолеть тысячу километров пересеченной горной местности, испещренной вражескими укреплениями и перечерченной четырьмя оборонительными линиями. 3 сентября, в день, когда первые группы союзников высадились на материковой территории Италии, итальянцы предложили капитуляцию, которая была официально объявлена 8 сентября. Но Гитлер не сдавался. Он предвидел, что итальянцы не будут долго сопротивляться натиску союзников, и разместил по всей стране немецкие войска. Итальянцы складывали оружие, но на их месте моментально оказывались хорошо вооруженные немецкие солдаты, вымуштрованные и закаленные в битвах. Между тем погода стремительно портилась. Проливной дождь превратил илистые дороги в непроходимые болота, а наступившие холода обратили эти болота в лед. Реки выходили из берегов, смывая армейские бивуаки. Коварное горное плато к северу от Вольтурно помогало немцам атаковать и отступать. С горных вершин войска союзников подвергались почти непрерывному артобстрелу. Союзное командование рассчитывало быть в Риме к началу зимы. Но дождь сменился мокрым снегом, а они все еще не преодолели даже середины пути.

1 декабря 5-я армия достигла долины реки Лири. Пока фланговые войска сражались с немцами на горных вершинах, основная часть армии продвигалась по долине под непрекращающимся дождем, чаще всего под покровом ночи и всегда – под артиллерийским огнем. Сорок пять дней спустя они наконец достигли другого края долины, которую из-за огромного числа потерь убитыми и ранеными называли Долиной багрового сердца. Перед ними лежал город Кассино, ключевое звено «линии Густава», главное оборонительное сооружение немцев к югу от Рима. С возвышающейся над городом горы открывался отличный вид на долину, и это позволило немцам, засевшим в горах, 7 января 1944 года отбить первую атаку союзников. Несчастные солдаты неделями мокли под дождем и мерзли до костей. Еще один штурм был отбит с большим числом жертв. Артиллерийский огонь поливал армию с тем же постоянством, что и дождь.

Еще хуже для измученных солдат было то, что на вершине горы стояло тысячелетнее аббатство Монтекассино. Монастырь был основан святым Бенедиктом около 529 года в месте, защищавшем его от опасностей языческого мира. Именно здесь святой отец написал устав ордена бенедиктинцев, создав западную монастырскую традицию, здесь он умер и был похоронен. Аббатство было святой землей, интеллектуальным центром и «символом сохранения и укрепления разума и духа в годы испытаний». Но сейчас грандиозное и величественное здание аббатства, вознесенное над усталыми, залитыми кровью солдатами, казалось символом нацистской силы.

Союзное командование не хотело разрушать аббатство. Всего несколько недель назад, покидая Италию, генерал Дуайт Эйзенхауэр издал приказ не бомбить памятники искусства и старины.

Монтекассино, одно из величайших достижений ранней итальянской и христианской культуры, вне всякого сомнения, подпадало под защиту этого приказа. Хотя Эйзенхауэр и оговорил исключения: «Если нам придется выбирать между разрушением знаменитого здания и жизнями собственных людей, то жизни людей, безусловно, для нас важнее». Он провел черту, которую никто из его командиров не хотел преступать первым.

Так что союзное командование колебалось еще целый месяц, в течение которого солдаты все глубже застревали в долине смерти. Было невероятно холодно. Дождь, казалось, не кончится никогда. На долину опустились такие плотные тучи, что войска уже не видели монастыря, и весь мир свелся к черным силуэтам побитых снарядами деревьев. Затем тучи разошлись, и их взорам снова предстало аббатство. День за днем войска брели по мерзлой грязи, иззябшие до костей, под немецким обстрелом. Об их страданиях много писала пресса, регулярно докладывая читателям о жалком состоянии армии, о числе убитых и раненых. И чем дольше солдаты и корреспонденты газет глядели на горы, тем больше аббатство казалось им не мировой достопримечательностью, но смертельной ловушкой, ощерившейся немецкими пушками. Весь мир говорил о Монтекассино: горе смерти, долине печали, последней крепости, отделяющей союзников от Рима.

Те, кто наблюдал за страданиями солдат из тыла, требовали уничтожить аббатство. Да и сами солдаты об этом мечтали. Но как в американском, так и во французском командовании были противники бомбардировки. Они не верили, что внутри засели немцы. Бригадир Батлер, заместитель командира 34-й дивизии США, отмечал: «Я не могу знать наверняка, но не думаю, что враг находится в монастыре. Обстрел ведется только со склона, расположенного под его стеной». В итоге в споре победили британские, и в особенности индийские, австралийские и новозеландские войска, которым предстояло первыми атаковать засевших в окопах немцев. Вот как обосновывал необходимость бомбежки генерал-майор Говард Киппенбергер, возглавлявший новозеландские войска в Монтекассино: «Если даже враг не прячется в аббатстве сегодня, он вполне может проникнуть за его стены завтра, и ему не составит никакого труда во время нашей атаки подтянуть резервы в монастырь или укрыться в нем, если мы выйдем его с внешних позиций. Мы не можем требовать от своих солдат штурмовать вершину, на которой стоит такое здание».

15 февраля 1944 года, к ликованию войск союзников и военных корреспондентов, великопное аббатство Монтекассино было уничтожено массовой воздушной бомбардировкой. Генерал ВВС США Икер провозгласил это великим триумфом армии, показавшей немцам, что их ждет в этой войне.

Но весь остальной мир не ликовал. Итальянцы и немцы обратили огонь против своих противников, обвиняя их в варварском разрушении культурных ценностей. Выражая позицию Ватикана, кардинал Мальоне назвал разгром аббатства «колоссальной ошибкой» и «вопиющей глупостью».

Два дня спустя, после нескольких незначительных атак, союзники двинулись на штурм горы, но снова были остановлены мощным артиллерийским огнем. Как и предсказывал бригадир Батлер, немцев на самом деле в аббатстве не было, и бомбардировка нисколько не ослабила их позиций. Даже, наоборот, укрепила их: теперь они могли сбросить в руины парашютистов и включить их в линию обороны. Чтобы захватить Монтекассино, союзным войскам потребовалось еще три месяца, в течение которых было ранено и убито примерно 54 тысячи человек.

27 мая 1944 года, через неделю после захвата аббатства и через три месяца после его разрушения, для осмотра руин прибыл майор Эрнест Девальд, первый хранитель памятников, оказавшийся в Монтекассино. Фундамент и подземные помещения аббатства не пострадали,

но все наземные сооружения были уничтожены. От часовни XVII века, библиотеки, галереи и монастыря остались только груды камней. Он нашел обломки бывшей базилики, но никакого следа ее мозаик и знаменитых бронзовых дверей XI века не обнаружил. Он не знал, была ли выдающаяся библиотека монастыря и его знаменитая на весь мир коллекция искусства погребена под обломками и уничтожена или немцы успели вывезти их до бомбежки. В груды обломков Девальд наткнулся на головы ангелов, еще недавно украшавших хоры. Большинство были разбиты, но некоторые уцелели, и немигающий взгляд их широко открытых глаз был устремлен в бездонное голубое небо.

16 апреля 1943

**Сопроводительное письмо Розенберга
к альбомам фотографий произведений
искусства, украденных для музея фюрера**

Мой фюрер!

Желая порадовать Вас, мой фюрер, на Ваш день рождения я позволил себе преподнести Вам альбом с фотографиями самых ценных картин, которые мой Оперативный штаб, повинаясь Вашему приказу, изъял из бесхозных коллекций еврейского искусства на оккупированных западных территориях. На этих фотографиях Вы можете увидеть пополнение к собранию 53 самых ценных произведений искусства, некоторое время назад доставленных в Вашу коллекцию. В то же время эта папка содержит только малую часть значительного количества исключительной ценности работ, изъятых моим ведомством во Франции и помещенных в безопасное место в Рейхе.

Я умоляю Вас, мой фюрер, дать мне возможность во время моей следующей аудиенции лично рассказать Вам об этой масштабной операции изъятия предметов искусства и прошу Вас принять краткий промежуточный отчет о ходе и объеме операции, основу моего будущего устного доклада, а также три копии временных каталогов картин, представляющих лишь малую часть коллекции, которой Вы владеете. Следующие каталоги, над которыми идет работа в данный момент, я доставлю Вам, как только они будут готовы. В свою будущую аудиенцию я позволю себе, мой фюрер, вручить Вам еще двадцать альбомов с фотографиями в надежде, что краткие мгновения созерцания столь дорогих Вам предметов искусства смогут осветить красотой и радостью Вашу отшельническую жизнь.

Хайль, мой фюрер!

А. Розенберг

Глава 8

Памятники, изящные искусства и архивы Шрайвенхем, Англия Весна 1944

Джордж Стаут – служивший во флоте педант-консерватор из Музея Фогга – дышал теплым воздухом английской весны. Было 6 марта 1944 года, с разрушения Монтекассино прошел уже месяц, а до планируемой высадки союзников на севере Франции оставалось еще несколько месяцев. Уже сейчас на юге Англии было не протолкнуться от английских и американских солдат. Всего, если верить слухам, их прибыло больше миллиона человек – не самая простая ситуация для страны, за четыре года почти полностью разбомбленной люфтваффе и испытывающей дефицит продовольствия. В то время в Лондоне говорили: «Вся беда с янки в том, что им надо слишком много денег, слишком много еды и слишком много секса, да и вообще их здесь слишком много». Но чего еще можно ожидать от детей, большинству из которых не исполнилось и двадцати лет? Конечно, они хорохорились – но только чтобы скрыть свой страх. Ведь совсем скоро их бросят штурмовать побережье Нормандии, и многие из них никогда не вернутся домой.

Но в Шрайвенхеме, маленькой деревушке на полпути между Бристолем и Лондоном, царили совсем другие настроения. Объединенный британско-американский корпус по связям с гражданской администрацией и населением занял Американскую школу (университет), устроив на ее территории тренировочный лагерь. Каменные дома и широкие лужайки, по которым строем маршировали солдаты в форме, казалось, были бесконечно далеки от ужасов войны. Покидая плац, Джордж Стаут обратил внимание на то, как изменился окружающий пейзаж. На деревьях уже набухли первые почки, и, хотя Стаут опасался, что они поторопились и погибнут от утренних заморозков, картина пробуждающейся природы не оставила его равнодушным. Зимняя хандра наконец отступила... Накануне вечером он прогулялся до ближайшего паба: прошагал восемь километров с парой коллег, англичанином и американцем. В пабе – типично британском и неподвластном времени (деревянные балки, каменные стены, в углу мишень для игры в дартс) – сидели румяные фермеры с пинтами эля. Ни одного военного, кроме Стаута и двух его сослуживцев. Пиво было мягким и горьковатым, компания – душевной. Он скучал по тесноте корабля, в котором плыл через Атлантику, по простому ритму моря. Прогулка обратно в Шрайвенхем мимо аккуратных оксфордширских полей и огородов помогла Стауту наконец перестать думать о том, что он уже две недели не получал писем из дома.

«Моряк, переведенный в сухопутную армию, – думал он, – вот уж и правда рыба, выброшенная на берег. Даже почтальону меня не найти».

Во время воскресной утренней прогулки по соседней деревне Стаут наблюдал за творившейся вокруг весенней суматохой. Увитые плющом деревья и кустарники. Кривые и косые каменные стены. Тут и там тянутся вверх зеленые ростки, некоторые втоптаны в грязь каблукками. Поле, истерзанное копытами лошадей. Голые ветки деревьев. Петляющая дорога. Все казалось каким-то вывихнутым, но за всем этим чувствовался порядок, композиция, которая казалась разрозненной, пока вдруг не открывалось ее четкое устройство.

И все же в море ему было лучше. И дома. Вот бы настал мир, и он вернулся бы к своей прежней работе. Но пока он военный, и нельзя не признать, что назначение на флот было, как сказали бы англичане, «его чашкой чаю». Памятники, изящные искусства и архивы. Сама мысль казалась ему смешной. Они все-таки создали отдел защиты памятников, в который набрали специалистов, призванных в армию.

Подкомиссия по памятникам, изящным искусствам и архивам (ПИИА) была организована в конце 1943 года совместно США и Великобританией. Ею руководил отдел союзного военного правительства оккупированных территорий, а отвечать комиссия должна была перед отделом МИ-5 британского военного министерства. Вся эта путаная бюрократия показывала, насколько большое значение придавалось ПИИА, вроде бы низко стоящей в иерархии военного командования. Все знали об ошибках, допущенных в Италии. Отдел Хэммонда был расформирован и заменен новой структурой, но отдел ПИИА в Италии, подчинявшийся Объединенной контрольной комиссии (ОКК), все еще боролся за влияние в армии. Так, к северу от Неаполя, где находилось разрушенное аббатство Монтекассино, не было ни одного хранителя памятников. Ошибка не только заставила нервничать офицеров ПИИА в Италии, но и показала, насколько непросто было создать работающую организацию в разгар военных действий.

Оставалось надеяться, что в Северной Европе все будет иначе. Органы гражданской администрации собирались отправить во Францию обученную группу офицеров до начала боев. Комиссия Робертса предоставила Полу Саксу право выбирать офицеров с американской стороны, и Стаут стал одним из первых, кого пригласили в отряд. Он получил назначение в сентябре 1943 года. Дальше последовало многомесячное молчание, но оно не удивляло Стаута. Он знал, что обычно такие проекты начинаются с помпой, но редко имеют продолжение. И никогда не доверял инициативам музейного начальства.

И все же Стаут в письме Саксу изложил свои соображения по поводу предстоящей операции. Каждой армии, писал он, необходима команда хранителей, в которую должны входить офицеры и десять, а лучше шестнадцать, солдат: упаковщиков, перевозчиков, таксидермистов (да, таксидермистов), секретарей, водителей и, самое главное, фотографов. Команду нельзя сформировать на месте, потому что – Стаут знал это как ветеран Первой мировой – на передовой каждый боец на счету и командиры не согласятся выделить ни одного человека. В отдел защиты памятников следовало сразу набрать людей и предоставить им необходимое оборудование: внедорожники и крытые грузовики, ящики, коробки и другие упаковочные материалы, аэрометры для проверки плотности воздуха и прочие инструменты консерватора.

В декабре – от Сакса до сих пор не было ни звука – до Стаута дошли слухи, что операцию отменили. Он продолжил свои эксперименты с камуфляжной краской: наверняка музейные щеголи опять все запороли. Какая жалость, думал он, что армия доверила все кучке «саибов».

Даже когда в январе 1944 года пришел запрос на его перевод, Стаут все еще не верил в успех предприятия. «Я, как и ты, считаю, что памятники необходимо охранять, – писал он своей жене Марджи. – Если все будет организовано надлежащим образом, то мы сделаем важное дело. Если нет, то нас ждут трудности, неприятности, проволоочки и большие разочарования. И нравится мне это или нет, если армия возьмется за эту программу, мне придется в ней участвовать... В одном можно быть уверенным: если все сложится, это будет военная операция. Ею будет руководить не гражданская музейная администрация, а армия и флот. Будь командование гражданским, я бы отказался. Но моими соратниками, насколько я понимаю, будут военные. А в армии и на флоте главным правилом становится эффективность, и отношения между людьми строятся на открытости и честности. На играх здесь далеко не уйти. Так что посмотрим».

Но Джордж Стаут недооценивал «саибов». Гражданское музейное сообщество – американская комиссия Робертса (совместно с британской комиссией Макмиллана) – не только инициировало создание отдела охраны памятников, но и стало главной движущей силой реализации задуманного. Трудно представить, чтобы армия США терпела присутствие ПИИА, если бы не престиж стоявшей за ней комиссии Робертса, заручившейся поддержкой самого Рузвельта. И никто не смог бы лучше справиться с задачей собрать стаутовские отряды «специалистов особого назначения», чем представители американской культурной элиты. Из событий на Сицилии и в Северной Африке были извлечены два главных урока: армия будет прислуши-

ваться к защитникам памятников, только если они будут военными, а этим военным необходимо быть на передовой во время или сразу после боя, а не недели и тем более месяцы спустя. На основе этих двух принципов удалось выработать план действий. Еще одной приятной, во всяком случае для Стаута, новостью было то, что в ряды офицеров ПИИА не зачислили ни одного директора музея.

Впрочем, в предстоящей операции Стаута смущали не офицерский состав и не масштаб операции. В то теплое мартовское утро он тревожился прежде всего из-за хаотичности всего предприятия. Не существовало ни описания миссии, ни ясной последовательности приказов. Создавалось впечатление, что никто не знает, ни сколько нужно людей, ни как распределить их по континенту, ни скольких еще ждать. Новые сотрудники возникали внезапно, просто являлись из ниоткуда с бумагами на перевод. Из работ Стаута было надергано общее руководство по консервации. Но хранители памятников не проходили никакой специальной подготовки. Пока что большая часть усилий тратилась на какие-то общие изыскания, вроде составления списков охраняемых памятников разных европейских стран. Насколько было известно Стауту, никто еще не занялся военной подготовкой операции: обеспечением оружием, машинами, формой и продовольствием. Сказать, что отдел охраны памятников создавался перед вторжением во Францию слишком медленно, — значит не сказать ничего.

Но и масштаб операции его беспокоил. Стаут рекомендовал Саксу, чтобы на каждого офицера приходилось 16 солдат, но чем дальше, тем яснее становилось, что шестнадцать человек может не набраться во всей ПИИА. Стаут понимал, как непросто выторговывать людей у армейской бюрократии, тем более когда она планирует важнейшую военную операцию. Но он был уверен, что у Пола Сакса на примете есть еще немало квалифицированных специалистов. В конце концов, большая часть молодых сотрудников американских музеев была его учениками. И все же людей, отобранных для охраны памятников на поле боя, Стаут мог бы пересчитать на пальцах. Роример, Бальфур, Лафарж, Поузи, Диксон-Спейн, Метъен, Хэмметт. Может, наберется двенадцать человек. Всего. Когда он плыл в Англию, за его столом в кают-компании народу сидело больше. На корабле накрывали сотню таких столов, и это был один из тысячи кораблей, пересекавших океан.

Он представил себе отряд хранителей, выстроившихся для воображаемого портрета на солнечном склоне у базы в Шрайвенхеме.

Джеффри Уэбб, командир. Высокий и худой, за пятьдесят, профессор Кембриджа и один из самых выдающихся искусствоведов на Британских островах.

За ним — лорд Метъен и майор авиации Диксон-Спейн, британские ветераны Первой мировой войны.

Самым молодым из британцев был Рональд Бальфур, лысеющий сорокалетний историк кембриджского Королевского колледжа — коллега Джеффри Уэбба, назначенный в отряд по его рекомендации. В Шрайвенхеме Стаут и Бальфур жили в одной комнате, и Стаута моментально очаровали щедрость, великодушие и ясность мышления соседа. Убежденный протестант, Бальфур оставил историю, которая была изначально его специализацией, и посвятил свою научную карьеру вопросам религии. Окончив Кембридж, он просто остался в университете и стал тем, кого англичане называют «ученым джентльменом»: профессиональный сотрудник университета, которого не интересуют ни публикации, ни карьера, но который влюблен в научную работу и долгие, неторопливые разговоры и споры с людьми, разделяющими его интеллектуальные убеждения.

Стаут считал, что с годами Бальфур превратился в человека, одержимого бумагой. Его можно было считать экспертом отряда по архивам и манускриптам, для него единственного документы были важнее произведений искусств. Сам Бальфур неоднократно повторял, что главным его жизненным достижением к тридцати пяти годам стала домашняя библиотека из восьми тысяч томов. И все это — редкие книги, добавлял он. В своих профессорских очках в

проволочной оправе он совсем не походил на вояку, но сделан был из железа и рвался в бой. Он вырос в семье военных в самом сердце Англии, Бакингемшире, знал и уважал армейские порядки. Кроме того, он десятилетиями собирал собственную библиотеку и не мог позволить немецким бомбам уничтожить ее.

А еще были американцы. Марвин Росс, выпускник Гарварда и специалист по византийскому искусству – заместитель Уэбба. Архитекторы Ральф Хэмметт и Лафарж, специалисты по зданиям.

Уокер Хэнкок, чуть старше сорока, знаменитый скульптор-монументалист. «Жертва» – название памятника погибшим солдатам, который он несколько лет назад поставил в своем родном городе Сент-Луисе, штат Миссури, – звучало как нельзя более уместно. Из всего отряда Хэнкок был наиболее склонен к самопожертвованию. По настоянию своего отца во время Первой мировой войны он поступил в Военную академию Виргинии. Он, без сомнения, был готов к большим жертвам, но война окончилась, и он смог обратиться к своему настоящему призванию, искусству. Хэнкок вернулся в Сент-Луис и поступил в Вашингтонский университет, затем в Пенсильванскую академию изящных искусств, а в конце 1920-х – в Американскую академию в Риме. Он был единственным в ПИИА художником, а также самым титулованным членом отряда. В 1925 году Уокер Хэнкок выиграл престижную Римскую премию. В 1942-м, проходя военную подготовку, он узнал, что победил в конкурсе на дизайн Воздушной медали США, одной из высших военных наград страны. Эта медаль стала для него «билетом» в тыл с передовой.

Беспечный, открытый, неизменно жизнерадостный – и это при том, что он, бесспорно, принес немалую жертву. Всего за несколько недель до отправки в Англию в маленькой капелле Вашингтонского кафедрального собора Уокер обвенчался с девушкой по имени Сайма. Он был влюблен в Сайму до безумия, но все же расстался с ней и отправился за океан. Более того, его хотели оставить в Пентагоне, но он сам попросил назначения на фронт. Хэнкок был настолько внимателен, добр и щедр, что у Стаута никак не получалось представить его на поле боя. Зато он прекрасно представлял себе Хэнкока в мастерской в Массачусетсе, на которую тот каждый месяц добросовестно откладывал часть жалованья: вот он обнимает жену на фоне потрескивающего в камине огня и незавершенной скульптуры Атланта. И конечно же смеется. Действительно, ничто не могло надолго омрачить Хэнкоку настроения. Его оптимизм доходил до утверждения, что ему нравится армейская кормежка.

Последним прибыл тридцатидевятилетний Джеймс Роример. Он был полной противоположностью добродушному Хэнкоку: энергичный, целеустремленный, искушенный в больших играх музейного мира. Этот невысокий коренастый человек, казалось, был создан для поля боя. Окончив Гарвард, он незамедлительно устроился на работу в музей Метрополитен. Ему не исполнилось и тридцати, когда он уже принимал активное участие в расширении музейной коллекции средневекового искусства. Всего семь лет на службе – и в 1934 году его назначают куратором всего направления медиевистики. Когда в 1938 году Метрополитен открыл новое отделение «Клуатры» в Северном Манхэттене и перенес туда всю коллекцию средневекового искусства, Роример стал одним из главных ее кураторов. Только человек исключительного таланта и исключительной энергии мог так стремительно взлететь по музейной лестнице. Поэтому Стаут совсем не удивился, узнав, что Роример происходит из обычного рабочего городка Кливленда, штат Огайо, и что его отец, еврей Роргеймер, изменил фамилию, опасаясь бытового антисемитизма.

Официально Роример даже не был хранителем памятников. Он служил в отделе по связям с гражданской администрацией и населением, управлявшем базой в Шрайвенхеме. 3 марта он должен был получить назначение, и Стаут от надежного источника узнал, что Роример особенно интересуется охраной памятников. Командующий ПИИА Джеффри Уэбб жаждал его пополнить. А с чего бы ему не хотеть? Роример был выдающимся искусствоведом, говорил

по-французски, прекрасно знал Париж, живя в Шрайвенхеме, шесть раз в неделю занимался немецким.

Что и говорить, Роример обладал цепкостью бульдога. Никто в Шрайвенхеме не приложил больше усилий, чтобы попасть в ПИИА, и никто не работал так усердно. Дайте Джеймсу Роримеру работу, и он умрет, но выполнит ее на отлично. Стаут подозревал, что перед ним будущая звезда американской культурной элиты. Если, конечно, Роример переживет войну.

И еще был Роберт Поузи. Но Стаут почти ничего о нем не знал. Поузи держался особняком и все больше помалкивал. Он не входил в гарвардский круг Пола Сакса и, кажется, не был особенно известен даже в собственной области – архитектуре. Все, что удалось узнать о Поузи Стауту, – что тот вырос в Алабаме, в крайней бедности, и окончил Обернский университет благодаря стипендии армии для офицеров запаса. Он был военным до мозга костей как по образованию, так и по темпераменту, но при этом – хорошим специалистом, так что в отряде оказался на своем месте. Правда, никто толком не знал, как он в него попал. Ходили слухи, что в Англию он прибыл прямо с Северного полярного круга, – это звучало так странно, что, наверное, было правдой. А как-то раз, разговарившись, он похвастался, что является единственным в мире человеком, уничтожившим танк в Пенсильвании. Оказалось, что в начале своей армейской карьеры он спроектировал экспериментальный мост. Но первый же танк, попытавшийся его пересечь, обрушился в реку и утонул. Все остальные не очень-то жаловали Роберта Поузи, но Стаут его понимал. Поузи был тихим, работающим, правильным деревенским парнишкой из американской глубинки – в общем, как и сам Стаут.

Вот и весь коллективный портрет. Британский ученый Бальфур. Добродушный художник Хэнкок. Цепкий куратор Роример. Алабамский работяга Поузи. И где-то на заднем плане маячит элегантный Джордж Лесли Стаут. Стаут улыбнулся: да, обычно он безупречен. Но не сейчас. Увесистый мешок грязного белья за его плечом – главная причина воскресной прогулки из бараков – напомнил ему, что службы быта на армейской базе работают из рук вон плохо и что он уже гораздо более растрепан, чем мог себе позволить.

Ну, бог с ним. Может, вся операция и была его «детисцем», как выразился Пол Сакс, но сейчас Джордж Стаут служил обычным рядовым. И только этого он и хотел. Даже в армии Стаут сохранил врожденную неприязнь к управленцам. Он предпочитал пачкать руки настоящей работой – а затем тщательно мыть их.

Но он не мог не признать – это был отличный отряд. Отряд, который он и сам набрал бы. Только одиннадцать человек – зато каких! Да, не профессиональные консерваторы, но ничуть не хуже: ученые, художники, музейные кураторы, архитекторы, люди, которые сами зарабатывали себе на жизнь, а не приказывали другим работать. Все – состоявшиеся профессионалы. Почти у всех жены, и у большинства – дети. Все – зрелые и понимают, что стоит на кону, и при этом еще молодые, у них много шансов выжить на поле боя.

Выжить. Не то слово, о котором хотелось бы думать Стауту. С этими людьми он шел на войну, и он знал, что некоторые из них могут погибнуть. Лишать их охраны и необходимого снаряжения было преступлением.

Он во всем винил лорда Вулли, старика-археолога из британского военного министерства. «Отличный парень», как сказал бы о нем Рональд Бальфур, держал отряд на голодном пайке. Вулли невероятно гордился тем, что всей операцией по спасению памятников руководят всего три человека, в том числе леди Вулли, его жена. Тут нечего было и рассчитывать на серьезное к себе отношение. «Мы защитили искусство наименьшей ценой». Таков был девиз Вулли, взятый из «Надгробной речи» Перикла. Стаут не сомневался, что военной верхушке была приятна эта историческая отсылка. Вне всякого сомнения, эта мудрость окажется очень кстати на поле боя.

Если все будет устроено как надо, писал он жене... В этом и была загвоздка. Неужели в миллионной армии не набралось бы сотни людей? Неужели так трудно наскрести несколько тысяч долларов на камеры, рации и прочее необходимое оборудование?

– Ну что же, Джордж, вот мы и пришли, – сказал Рональд Бальфур, четко выговаривая каждый звук, как и полагается уроженцу Центральной Англии.

Его слова прервали размышления Стаута, вернув его обратно в Англию весны 1944 года. Он взглянул вверх. Там, за тесным скоплением каменных домов с соломенными крышами, можно было увидеть башню церкви, ради которой они и пришли в эту маленькую деревушку. Стаут посмотрел на солнце, которое стояло уже высоко в небе, потом на часы. Служба, должно быть, давно уже началась.

– Сначала быстро разберемся с этим, – Стаут показал на свой баул с бельем, – а потом поднимаемся вверх.

– Согласен! – ответил Бальфур, улыбаясь.

Бальфур, подумал Стаут, не мог не нравиться. И ему можно было доверять. Что важно, потому что в итоге все решают именно такие люди. Ученый и современно мыслящий человек, Стаут тем не менее не доверял машинам. Он считал, что успех музейной консервации зависит не от техники, а от опыта и квалификации специалистов. Только так, думал он, можно преуспеть в любом предприятии: вести себя осторожно, обладать знаниями и навыками, наблюдать за миром и действовать в соответствии с тем, что видишь. Хранителю памятников, кроме того, нужны страсть, интеллект, гибкость, понимание армейских правил: обращения с оружием, подчинения старшему по званию. В Бальфуре Стаут видел сочетание живого ума, интуиции и уважения к порядку. Это вселяло в Стаута чувство уверенности.

«Главное – попасть на место, – подумал он, – а уж там мы все сделаем как надо».

Однажды в юности Стаут провел лето со своим дядей в Корпусе-Кристи, штат Техас. Шесть дней в неделю они работали, на седьмой рыбачили. Как-то раз они выудили ромба – донную рыбу, у которой оба глаза располагаются с одной стороны головы. Мальчишка из Айовы и представить себе не мог, что в мире водятся такие диковины. Вечером, когда они отправились обратно, у лодки заглох мотор. Стаут греб и греб, но лодка лишь покачивалась на мелких водах Мексиканского залива, пока проходящая мимо парусная шхуна не отбуксировала ее к берегу. С тех пор Стаут убедился, что на моторы полагаться нельзя. Сам он всегда был готов довериться только веслам и течению. И потому мог не сомневаться, что всегда вернется на берег.

Он понимал, что хранители памятников не отправятся во Францию с пустыми руками. У них были карты расположения важных зданий и музеев, выполненные по приказу музейных директоров и прочих специалистов, а затем наложенные на них фотографии, сделанные воздушной разведкой. Составленный гражданскими специалистами и заверенный офицерами из отдела по связям с гражданской администрацией и населением список охраняемых памятников был безупречен. И уж, конечно, Стаут не мог придаться к карманному руководству по консервации, написанному на основе его собственных работ.

Но во всей организации он видел немало слабых мест. Директора музеев не понимали военных, а военные до сих пор не были уверены в разумности задуманного. Хранители памятников могли советовать, но не могли заставить военных действовать. Им позволялась свобода передвижения, но у них не было ни транспорта, ни кабинетов, ни вспомогательного персонала – и никакого плана. Армия дала им лодку без мотора. На поле боя, как уже понимал Стаут, им придется грести, и он не мог отделаться от подозрений, что грести придется против течения. Но он знал: если ты в воде и держишься на плаву, мимо всегда может пройти шхуна.

– Возрождение романского стиля, – произнес Рональд Бальфур за плечом Стаута. – Небольшая, но построена отлично, наверное, конец 1800-х годов. А ты как думаешь, Джордж?

Джордж Стаут поднял взгляд на деревенскую церковь, простую, основательную и красиво отделанную. В ней не было ничего шедеврального, но не было и ничего лишнего и нелепого,

она обладала каким-то мягким обаянием. Церковь вполне могла относиться к романскому возрождению, но ему на ум пришло другое слово – романтическая. То ли потому, что это место показалось ему «романтичным» – как уголок для влюбленных, где спустя много лет он с женой Марджи мог бы смеяться, вспоминая прошлое. То ли потому, что «романтичным» – в смысле «излишне оптимистичным» – было его убеждение, что можно спасти здания вроде этого из пламени войны.

– Нам крупно повезет, если встретим что-то подобное на континенте, – сказал Стаут, указывая на не тронутую разрушением церковь.

Бальфур улыбнулся:

– Ах, Джордж, какой же ты пессимист.

Стаут подумал о двух полисах, которыми он застраховал жизнь перед отплытием в Англию. Будь всегда готов.

– Я оптимист, мистер Бальфур. Осторожный, но все же оптимист, несмотря ни на что.

Глава 9

Задание

Южная Англия

Конец мая 1944

26 мая 1944 года Верховный Главнокомандующий союзных экспедиционных сил генерал Эйзенхауэр издал приказ. В отличие от Италии, где аналогичный документ появился через шесть месяцев после вторжения на Сицилию, в этот раз до высадки в Европе оставалось еще 11 дней.

Совсем скоро мы начнем битву на Европейском континенте. Мы сражаемся за то, чтобы сохранить цивилизацию. На пути нашего продвижения неизбежно окажутся исторические памятники и культурные центры – важные символы для того мира, за сохранность которого мы сражаемся.

Охранять эти памятники и проявлять к ним уважение в любой возможной ситуации – обязанность каждого командира.

Может статься, что от нашего нежелания уничтожать эти священные объекты будет зависеть ход военной операции, как в Кассино, где враг полагался на то, что наши эмоции не дадут нам разрушить его оборону. Но первостепенную важность имеют жизни наших людей. Поэтому там, где диктует военная необходимость, командиры могут отдать приказ действовать, даже если это повлечет разрушение почитаемого памятника.

Но во многих других случаях повреждения и разрушения не необходимы и не могут быть оправданы никаким образом. Поощряя строгость и дисциплину, командиры будут сохранять центры и объекты исторического и культурного значения. Командование службы по связям с гражданской администрацией и населением подготовит информацию о расположении такого рода памятников как на передовой, так и в оккупированных зонах. Эта информация вместе с необходимыми инструкциями должна быть распространена по всем эшелонам.

ЭЙЗЕНХАУЭР

На следующий день отдел ПИИА переслал в штаб-квартиру генерала Эйзенхауэра список охраняемых памятников во Франции. Все сотрудники – от военных до гражданских – пребывали в состоянии крайнего возбуждения. Ход войны зависел от одного решительного прыжка в неизвестность: операции «Оверлорд» – высадки в Нормандии. Когда Уинстону Черчиллю сообщили о планируемой операции, он схватил Эйзенхауэра за руку и со слезами на глазах сказал: «Я с вами до конца, а не выйдет, так потонем вместе». Поражение в лучшем случае означало еще два года перегруппировки войск и перепланирование стратегий, в худшем – падение Британии. Никто не хотел хоть чем-то помешать победе – и фронтовые командиры, увидевшие списки «запрещенного к разрушению», в особенности. Список охраняемых памятников ПИИА был отвергнут ими как избыточный и потому препятствующий свободе маневров на поле боя.

Руководители ПИИА оказались перед выбором: склониться перед давлением армии или защищать свою миссию и свои убеждения. Вулли решил не переделывать список, а сопроводить его объяснительной запиской. Из 210 охраняемых объектов в Нормандии, сообщил он руководству штаба, восемьдесят четыре представлены церквями. А большинство остальных – античные или средневековые руины, доисторические каменные сооружения, фонтаны.

Все это вряд ли пригодится армии в сражении. Во всей Нормандии, подсчитал он, запреты ПИИА касались только 35 зданий, которые могли бы быть использованы в военных целях. После того как объяснение прочитали, список приняли. А к 1 июня была окончательно определена численность отряда ПИИА; на континент отправлялись пятнадцать человек: восемь американцев и семь англичан (в марте в отряд прибыли еще один американец и трое британцев). Семеро отправятся в штаб-квартиру Союзных экспедиционных сил и займутся организационной работой. Восемь будут числиться в британской и американской армиях и войсках тыла. Чтобы подчеркнуть союзный характер операции, хранителей перемешали: один американец был приписан к 21-й группе армий Великобритании и один британец – к 1-й армии США. Сколь невыполнимой ни казалась задача, долгом этих восьми офицеров было изучать и сохранять все важные памятники, которые встретятся войскам союзников на пути от Ла-Манша до Берлина.

Часть вторая Северная Европа

Письмо Джеймса Роримера жене Кэтрин

6 июня 1944

Родные мои!

Нам сообщают, что вторжение в Западную Европу начнется со дня на день. Сегодняшние газеты принесли невероятно радостное известие: Риму не причинено никакого ущерба. И теперь мои мысли обращены к нашим войскам и тому, что им предстоит совершить. Мы, старики, ждем не дождемся, когда наконец внесем свой вклад в свержение тирании. Но в то же время мы – отцы, мужья, сыновья – не перестаем думать о родных, оставшихся дома, и своей ответственности за них в мирное время.

Мое положение здесь почти не изменилось. Я понятия не имею, что уготовила мне судьба. Я от души надеюсь, что смогу быть полезным. Но низкое звание делает мою задачу практически невыполнимой. Я хорошо знаю Европу и европейцев, умею заводить друзей и поддерживать дружбу, понимаю, что по-настоящему ценно, нахожусь в отличной физической и интеллектуальной форме, обладаю связями в обществе – и все это, включая готовность, что называется, послужить человечеству, равным счетом ничего здесь не значит. Очевидно, я продолжу служить офицером отдела памятников и изящных искусств. Но у меня нет ни малейшего понятия, чем именно я буду заниматься.

*С любовью,
Джим*

Глава 10

Завоевываем уважение Нормандия, Франция Июнь – август 1944

Первый удар с моря по сектору «Омаха» был нанесен 6 июня 1944 года в 5.37 утра. На рассвете к флоту присоединилась авиация. В 6.30 на берег высадился первый десант союзных войск. Почти сразу стало ясно, что от обстрела с моря и воздуха не было никакого толка. Стоял густой туман, и летчики, не желая стрелять по своим, сбрасывали бомбы слишком далеко от берега, не причиняя засевшим в окопах на линии фронта немцам никакого вреда. Первые отряды союзников, в основном американцы, понесли тяжелейшие потери, прежде чем им удалось добраться до берега. Через полчаса подоспела вторая группа. На берегу она обнаружила немногих выживших, жавшихся к узкой полосе песка, которую оставил им прилив. Скоро и сами они теснились тут же, их снаряжение грудилось на пляже, раненые тонули в прибывающих волнах. Сражаясь и умирая в течение шести часов, американцы смогли отвоевать только ничтожный клочок земли, да и его быстро съедал прилив.

Но войска продолжали прибывать, волна за волной. Несмотря на то что союзников с суши обстреливали немцы, первые группы уже карабкались вверх по скалам. Полковник Джордж Тейлор подбадривал своих людей такими словами: «На этом пляже останутся только мертвецы. Так что давайте-ка выбираться отсюда». В тот день на «Кровавую Омаху» перевезли 43 тысячи человек, из них погибло не меньше 2200. По большей части это были призывники и добровольцы. Они прошли военную подготовку, но все равно оставались учителями, механиками, рабочими и служащими. Они умирали и на участках «Суорд», «Джуно», «Голд» и «Пуэнт-дю-Ок». И на участке «Юта», куда высадили более 23 тысяч человек. 101-я и 82-я десантные дивизии сбросили в тыл 13 000 парашютистов, и все понимали: им суждено погибнуть, если до них не доберутся прибывшие с моря войска. Но даже если сухопутным войскам или, скорее, тому, что от них останется, удастся встретиться с десантниками – битва только начиналась, – оставаться на побережье было смертельно опасно: миллион немецких солдат залегли в окопах.

Немцы просчитались. Они были уверены, что союзникам никогда не удастся выставить против них полноценную армию при отсутствии порта. Но в тот день на участок «Юта» солдаты несли с собой снаряжение, оружие и канистры с бензином. И они продолжали прибывать – не только в то, первое утро, но день за днем, и не только пехота, но и танкисты, артиллеристы, капелланы, снабженцы, инженеры, врачи, репортеры, машинисты, переводчики и повара. На чем только они ни приплывали, но чаще всего – на танкодесантных кораблях (LST). «Вдоль каждого берега разверзлись пасти этих кораблей, изрыгая танки, армейские грузовики, джипы, бульдозеры, маленькие винтовки и большие пушки, горы коробок с продовольствием и снаряжением, тысячи канистр с бензином, ящиков с телефонами, телефонными и радиостанциями, пишущими машинками и формулярами и всем, что только может понадобиться на войне». Над их головами не смолкал рев союзнической авиации – только в первый день в небо поднялось 14 000 самолетов, и примерно столько же поднималось в каждый последующий ясный день. Ла-Манш был забит кораблями: даже месяц спустя его переплывали за три дня, а не за один. А чуть поодаль от всего этого безумия, в нескольких километрах от участка «Юта», стояла тихая четырехсотлетняя часовенка.

Скорее всего большинство военных, высадившихся в те дни на пятикилометровом участке «Юта», даже если и проходили мимо, то ее не замечали. Она почти не упоминается в воспоминаниях и военной литературе. Поначалу, наверное, здесь было устроено место отдыха, а потом проводились сборы перед продвижением вглубь континента. И конечно же тут умирали

раненные солдаты, которых донесли сюда товарищи. Крыша пострадала от обстрелов, балки треснули, но часовня выстояла, и со временем в ней начали проводить дневные службы для тысяч солдат, прибывавших на берег, и сотен, возвращавшихся с фронта.

В начале августа наконец нашелся человек, обративший на нее внимание. «Часовня посвящена Святой Магдалине, – писал он. – Макэвой повесил объявление, зовет на службу в 17.00. Хороший образец архитектуры Ренессанса шестнадцатого века в стиле Мезон Карре. Необходимые для реставрации материалы можно найти рядом, в стороне от главной дороги. Главный портал с запада и юга разрушен осколками снарядов. Деревянная крыша находится в хорошем состоянии, не считая незначительных повреждений». Затем младший лейтенант Джеймс Роример, а это был именно он, сфотографировал здание, подшил фотографию к описанию и отправил в Англию. В отличие от тысяч солдат, прошедших через участок «Юта» и едва замечавших часовню, он прибыл во Францию специально, чтобы спасти ее.

* * *

Однако служба Роримера пошла совсем не так, как планировалось. Он должен был прийти намного раньше, но переезд был отложен, поскольку на линию фронта в первую очередь везли тех, кто должен был воевать, а не охранять памятники. И даже когда его наконец отправили на фронт, он не попал на свой корабль – капитану о нем не сообщили, и тот отчалил, его не дожидаясь. Из кораблей, на которые он мог сесть на следующий день, Роример выбрал судно французских ветеранов Северо-Африканской кампании. Он хотел ступить на французскую землю вместе с освободительными французскими войсками.

Союзники рассчитывали отвоевать Францию к концу июля, но за восемь недель они продвинулись только на 40 километров вглубь континента; линия фронта протянулась почти на 130 километров. Кое-где дела шли еще хуже. Например, к началу августа 2-я британская армия вместе со своим хранителем Банселем Лафаржем смогла пройти всего лишь на несколько километров вперед от места высадки в Кане. Во Францию прибыло еще пять хранителей, но их деятельность была ограничена медленным продвижением армии. Все рассчитывали на стремительный захват, а угодили в трясины, и в газетах уже зазвучало пугающее слово «тупик». Джеймс Роример высадился на континенте 3 августа и стал последним из хранителей памятников, прибывших в Нормандию.

Причина была очевидна – для остальных просто не оставалось места. За участком «Юта» Роример обнаружил не тихую французскую провинцию, какой она была еще пару месяцев назад, но кишасший солдатами город. Картина, открывавшаяся в заливе, «ошеломляла и впечатляла», как выразился Джон Скилтон, офицер отдела по связям с гражданской администрацией и населением, позже ставший одним из хранителей. Вплоть до горизонта канал был забит кораблями, ожидающими своей очереди на швартовку. Берег кишел войсками, вода – солдатами, бредущими на берег. Тысячи серебристых истребителей защищали их от немецкой авиации. А сразу за пляжем начиналась пробка. «Никогда в своей жизни я не видел такого количества транспорта всех видов и размеров, – писал Скилтон. – Вся дорога, насколько хватает глаз, сливается в одну непрерывную череду машин».

Но только оказавшись в колонне, направлявшейся на передовую, к штабу, Роример осознал масштабы происходящего. Кругом открывался пустынный пейзаж из разбомбленных землянок, искореженных заграждений и изрезанной колеями земли. Гигантские эвакуаторы стаскивали в кучи раскуроченные машины, а останки орудий и укреплений тихо ржавели у дороги. Над головой не смолкал рев самолетов. Грохот от воздушной бомбардировки сливался с взрывами мин. Большинство мин обезвреживалось саперами, но на некоторых подрывались несчастливцы, военные или гражданские. «Вести учет культурному ущербу посреди зияющих

воронок и обгоревших остовов домов, – описывал Роример свои первые впечатления от Нормандии, – это все равно что пытаться разливать вино по лопнувшим бочкам».

Командование передовой – несколько километров деревенских домиков и тентов – оказалось столь же неорганизованным, как и береговая линия. Казалось, что опоздавшего на день Роримера здесь никто не ждал. Чтобы найти, кому доложить о своем прибытии, ему пришлось прошагать несколько километров туда и обратно. Командир предупредил его о минах-ловушках, которые немцы прячут в шкафах, на церковных скамейках и даже на трупах, и вернулся к своим картам. И все. Теперь Джеймс Роример был предоставлен самому себе. Он сел и задумался о том, с чего бы ему начать.

Но долго размышлять он не стал. Одно дело быть восемнадцатилетним мальчишкой, которого отправили биться не на жизнь, а на смерть с такими же восемнадцатилетними. Даже сержанты и майоры знали, что сражаются не с монстрами, а с такими же профессиональными военными, как и они, только одетыми в форму других цветов. Для большинства солдат война была результатом стечения обстоятельств. Но другое дело, когда война становится делом всей жизни, как для Джеймса Роримера. Гитлер впервые напал на мировое искусство в 1939 году, после вторжения в Польшу, где специальные отряды занимались уничтожением памятников и кражей произведений искусства. Решающей стала кража и отправка в Нюрнберг алтаря Вита Ствоша – национального сокровища Польши. Затем нацисты украли «Даму с горностаем» Леонардо да Винчи – одну из примерно полутора десятков картин, несомненно принадлежащих кисти Леонардо, – а вместе с ней полотна Рембрандта и Рафаэля. Все эти произведения искусства, кроме алтаря Вита Ствоша, были частью знаменитой коллекции Чарторийских, одной из крупнейших в Польше. И с тех пор никто об этих картинах не слышал. Спустя год пала Западная Европа, и факты уступили место слухам и домыслам. Но даже и тогда художественный мир узнавал, что музейные коллекции, как крупные, так и не очень, систематически демонтировались и вывозились в Германию. Для американских и английских музейщиков высадка в Нормандии стала первой возможностью не только узнать, что именно происходило за нацистским темным занавесом, но и начать исправлять причиненный ими вред. И Джеймс Роример не собирался протирать штаны за столом, пока у него на глазах творилась полная драматизма история искусства.

Однако ровно это и случилось.

Роример отправился в армию волонтером в 1943 году. Ему было 37 лет, и он был восходящей звездой в музее Метрополитен. Совсем недавно его сделали куратором «Клуатров», нового подразделения музея, посвященного средневековому искусству и архитектуре. Но, как и многие другие выдающиеся специалисты, Роример был зачислен в армию простым солдатом и отправлен в 4-й тренировочный батальон пехоты на базу Уилер, штат Джорджия. В феврале 1944 года родилась его дочь Анна. «Вот я и стал счастливым отцом, – писал он своей жене Кэтрин, которую называл Кей. – Эти фотографии – самое дорогое, что у меня здесь есть». Вскоре после этого его отправили в Англию. Пройдет еще два года, прежде чем он увидит дочь.

Роример получил направление в учебный лагерь отдела по связям с гражданским населением в Шрайвенхеме. Но он был настроен решительно и вскоре добился перевода в отдел памятников. «День за днем я встречаю здесь все больше “искусствоведов”, – писал он своей жене после назначения в ПИИА. – Нас держат в запасе, чтобы призвать к службе, когда она понадобится. Я остаюсь в тени, пока остальные ведут политические игры».

Роример ожидал, что его, превосходно знающего французский язык и искусство, привлекут к планированию вторжения в «его любимую страну Европы». Но в ПИИА царила полнейшая неразбериха. Так что к апрелю у Роримера все так же было назначение, но не было задачи, и он принялся искать для себя настоящую работу. И уже 9 апреля нашел – преподавателем на офицерских курсах по вождению армейских грузовиков. Проявив присущие ему трудолюбие и упорство, Джеймс Роример вскоре стал профессионально разбираться в грузовиках и вел

занятия по восемь часов в день. Хотя он признавался Кей, что «старается посвящать работе в отделе памятников каждую свободную минуту».

И все же когда 30 августа в другом подразделении для него нашлась должность историка и офицера по связям с общественностью, он немедленно ухватился за эту возможность. Но его не отпустил глава ПИИА Джеффри Уэбб. «Мое назначение зависит от обстоятельств, настроений, политики и Уэбба», – жаловался Роример жене. Он понимал необходимость охраны памятников, но, как и Джордж Стаут, потративший годы на то, чтобы эта служба действительно возникла, не особенно верил, что идея способна воплотиться в нечто существенное. «Передай Саксу, что случилось как раз то, чего я боялся, – писал он всего за месяц до высадки, – и что я получил отличную работу: обучаю солдат управлять транспортными средствами и ухаживать за ними». Прошла всего неделя, и уже 7 мая им владели совсем другие настроения: «Бывают иногда часы или дни, когда думаешь, что отдел по связям с гражданским населением – лучшее назначение на свете... Нам [хранителям памятников] предстоит удивительная работа, и я счастлив, что все пока складывается наилучшим образом».

Правда была в том, что Джеймс Роример никак не мог приспособиться к бюрократическим проволочкам в армии. Его карьера в музее Метрополитен была стремительной. Несмотря на молодость, он сумел преодолеть все трудности, создать «Клуатры», заручиться покровительством Рокфеллера-младшего и стать хорошим руководителем. В армии же Роример оказался в самом низу иерархической цепочки. У него не было никакой власти – даже когда его повысили до младшего лейтенанта, он оставался офицером с минимальными полномочиями как в армии, так и в ПИИА. «Война может многое разрушить внутри тебя, – писал он жене в апреле, – особенно когда после долгих лет успешной гражданской карьеры ты становишься младшим офицером. Я надеюсь, что ничтожные людишки, которые только и делают, что ведут политические игры и рисуются перед начальством, не смогут уничтожить во мне желание честно выполнить свой долг».

Через четыре недели после вторжения союзников в Нормандию Роример наконец получил назначение – и вскоре оказался на континенте. Теперь, осуществив свою мечту и вырвавшись из пут британской бюрократии, Джеймс Роример решил любой ценой добиться успеха – неважно, насколько сложной и неопределенной была его задача.

В Нормандии каждый хранитель был приписан к какой-либо зоне боевых действий. Большинство подчинялось непосредственно боевым подразделениям: 1-й армии США, 3-й армии США или британской 2-й армии. Роримеру досталась зона коммуникаций: прифронтовая область, где строились дороги и через которую осуществлялись поставки для армии. К сожалению, границы этой зоны менялись так стремительно, что уследить за ними – как иногда и за самой линией фронта – было невозможно. Вся Нормандия была пересечена заграждениями и гигантскими баррикадами из деревьев и кустов, которые разделяли поля и защищали дороги. Каждая баррикада – а их могло приходиться по десять штук на полтора километра – закрывала вид на лежащую спереди равнину и на гигантское ограждение сразу следом за ней. Преодолев две-три такие ограды, построенные под причудливыми углами друг к другу, командиры и сами не знали, ведут свои войска назад или вперед.

– Просто держитесь дороги, – напутствовал Роримера изможденный офицер, когда тот собрался выехать из штаба, – и держите голову ниже. Мертвые хранители памятников нам тут ни к чему.

Техник армейского автопарка, сверившись с приказами, покачал головой:

– Простите, лейтенант, но отдела памятников в списке нет. Постарайтесь поймать попутку. Все время кто-то выезжает – чинят коммуникации, перевозят грузы, хоронят мертвых.

Роример отправился прочь с первой же колонной, которая согласилась взять его с собой. Ему предстояло изучить состояние нескольких десятков достопримечательностей, но у него

не было ни плана, ни определенной цели – только желание действовать и приносить пользу. Первым делом он отправился в Карантан, город между участками «Омаха» и «Юта». Карантан был практически уничтожен союзниками, но, к изумлению Роримера, собор, который входил в список охраняемых памятников, остался почти невредимым. Только башня пострадала, да и та незначительно. Роример опустил бинокль. Его первой задачей было засвидетельствовать состояние памятников после битв, второй – при необходимости организовать срочные реставрационные работы. Но поскольку башня держалась, у Роримера не было причин задерживаться в Карантане. Он завербовал пожилого архитектора из Шербура, осматривавшего руины по заданию французской стороны, и убедил его взять на себя ответственность за укрепление башни. А затем поспешил к мальчишке, который наблюдал за ним с другой стороны улицы.

– Tu veux aider? – спросил его Роример. – Хочешь помочь?

Мальчик кивнул. Роример полез в рюкзак.

– Когда вон тот человек выйдет из башни, – проинструктировал он мальчика по-французски, – скажи ему, что я отправился в другой город. И попроси его повесить на здание вот это.

Он протянул мальчишке таблички, на которых по-английски и по-французски было написано:

ВХОД ВОСПРЕЩЕН

всем военнослужащим

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК

Вход на территорию и срыв любых объявлений с этого здания строго запрещен приказом командира части

Третьей и, возможно, главной задачей хранителя было защищать памятники от солдат и местных жителей. Он смотрел, как мальчик идет к собору, маленький босоногий оборванец на фоне обрушившихся камней и осколков стекла. Роример догнал его и схватил за плечо.

– Merci, – сказал он и протянул ему жвачку. Мальчик взял жвачку, улыбнулся, а затем побежал к собору.

Несколько минут спустя Роример ехал с другой колонной, направляясь к следующему памятнику. Не прошло и нескольких дней, а он уже не мог бы перечислить, где успел побывать, не сверившись со своим полевым дневником и списком памятников. Города сливались в одно пятно, пока он петлял кругами по намеченному пути, ловя попутку за попуткой. Час он ехал по дороге, наводненной танками с выступающими вперед металлическими таранами. Эти танки называли «Носорогами» – они идеально подходили для того, чтобы прорываться через преграды, а не объезжать их. Затем внедорожник, на котором он ехал, свернул с пути, и на многие километры потянулось безлюдное пространство. Только сожженные и изрезанные заграждения, вспученная от бомб и вытоптанная армейскими сапогами земля. Но вот уже другая дорога – и в тени деревьев лениво пасутся коровы. Некоторые города были разрушены, другие война не тронула. Да и в самих городах за полностью уничтоженным кварталом вдруг начинались ряды совершенно целых домов – пока внимательный взгляд не замечал на втором этаже окно, разбитое шальной пулей. Нет, думал Роример, война – это не ураган, разрушающий все на своем пути, а торнадо, которое проносится, забирая одного и оставляя в живых другого, стоящего рядом.

И только одно, казалось, оставалось постоянным в этом странном чередовании разрухи и невредимости: церкви. Практически в каждом городе повторялась картина, которую Роример наблюдал в Карантане: целая церковь с разрушенной колокольной. Нормандия стоит на равнине, и возвышаются над ней лишь церковные колокольни. Союзники не хотели осквернять соборы, но немцы не мучились подобными сомнениями. В нарушение четвертого пункта Гаагской конвенции («О законах и обычаях сухопутной войны») в колокольнях по обыкновению

укрывались немецкие снайперы, стреляющие по солдатам и обрушивающие на подступающие войска минометный огонь. Так что союзникам приходилось разрушать колокольни точечными ударами, но, как правило, саму церковь они не трогали. Роример не знал, сверялись ли они при этом со списком охраняемых памятников, да это было и неважно. Военное командование подспудно понимало, что какие-то здания необходимо было сохранить.

Впрочем, сохранить удалось далеко не каждый храм. В Ла-Э-дю-Пюи Роример разогнал толпу крестьян, ежедневно приходящих в часовню для молитвы, – здание было повреждено до такой степени, что он боялся за людей: сотрясение от проезжающих по улице танков и артиллерийских машин могло обрушить его окончательно. Бульдозерам союзников пришлось сдвинуть центральную кладку церкви Сен-Мало в Валони, чтобы освободить дорогу армейским поставкам – дорога, увы, проходила прямо сквозь то, что осталось от церкви. Местные жители жаловались и требовали что-нибудь предпринять, но Роример объяснил им, что другого выхода не было. И они поняли: такова цена свободы.

Бывало и хуже. Аббатство Сен-Север-ле-Виконт, в котором немцы оборудовали склад боеприпасов, было разрушено до основания союзной бомбардировкой. Роример встретил здесь американских солдат, которые кормили детей из собственного пайка: в аббатстве оставались 56 сирот и 35 монахинь.

– Благословение Господне с нами, – сказала ему матушка-настоятельница. – Аббатство разрушено, но никто не пострадал.

Еще одной жертвой бомбардировок союзников стал замок виконта де Жермины. Подходя к нему, Роример увидел только обугленные руины. Рядом виднелся бульдозер, готовящийся снести одну из последних сохранившихся стен. Сносить поврежденные стены, чтобы использовать камень для прокладки дорог, было обычной военной практикой. Но замок входил в список охраняемых памятников, и когда-то эта стена принадлежала его часовне. На заднем плане Роример заметил две большие статуи XVIII века.

– Остановите бульдозер! – закричал он на оторопевшего инженера, который последние пару дней явно только тем и занимался, что сносил сгоревшие замки. – Это историческое здание!

Он потряс в воздухе своим списком охраняемых памятников:

– Его нельзя уничтожать.

Прошло несколько минут, и из обломков явился командующий офицер.

– В чем дело, младший лейтенант?

Он не просто так обратился к Роримеру по рангу – младшему из всех офицерских рангов в армии. Хранители памятников не могли отдавать приказов, им разрешалось только советовать, и офицер прекрасно знал это.

– Это исторический памятник, сэр. Его нельзя уничтожать.

Офицер окинул взглядом груды камня и сломанные стены:

– Вы бы летчикам об этом сказали.

– Это частная собственность, сэр. Нам следует относиться к ней с уважением.

Офицер панибратски прихватил младшего – по рангу, но не по возрасту – за пуговицу:

– Нам тут войну надо выигрывать, лейтенант. А моя задача в этой войне – следить за тем, чтобы вот эта дорога была в порядке.

На этом офицер повернулся и собрался уходить. Он явно думал, что разговор окончен, но не знал, что повстречал бульдога: коренастого, широкоплечего и неустрашимого. Своим упорством и трудолюбием Джеймс Роример добился высокого положения в главном музее Америки меньше чем за десять лет. Он отличался честолобием и верой в себя и свое предназначение. Он не знал поражений и не собирался с ними знакомиться.

– Я сфотографировал эту стену для официального рапорта.

Офицер остановился и обернулся. Что себе позволяет этот наглец! Кем он себя вообразил?! Роример достал копию приказа Эйзенхауэра об охране памятников во время войны.

– Тут написано, сэр: «Только в случае необходимости». Таков приказ Главнокомандующего. Вы же не хотите провести остаток вашего пребывания здесь, объясняя, в чем заключалась военная необходимость сноса?

Офицер посмотрел маленькому человеку в глаза. Он выглядел как солдат, а вел себя как идиот. Разве этот придурок не знает, что идет война? Но одного взгляда на Джеймса Роримера хватило, чтобы понять, что споры не помогут.

– Хорошо, – пробурчал офицер, отзывая бульдозер от стены. – Но это чертовски глупый способ вести войну.

Роример подумал об аббатстве Сен-Север-ле-Виконт, где солдаты отдавали свои пайки голодным детям. Военные раскинули лагерь под дождем, а не поселились в теплом и сухом монастыре. Таков был приказ генерала, понимавшего, как велика культурная и историческая ценность аббатства. Возможно, этого генерала не очень любили солдаты, но именно такие люди добивались уважения французов.

– Не соглашусь, сэр, – ответил Роример офицеру. – Я думаю, только так и можно вести войну.

Письмо Джорджа Стаута жене Марджи

14 июля 1944

Дорогая Марджи!

Мне выпало счастье уже три дня жить под настоящей крышей – здесь это несказанная роскошь, и я стараюсь наслаждаться комфортом в полной мере, пока есть такая возможность.

Запомни мои слова: я снимаю шляпу перед жителями Франции. Нет, я не имею в виду важных политиков. Может, они и ничего, но о них я ничего не знаю. Меня трогает мужество простых людей. Когда едешь по деревенским дорогам, этого нельзя не заметить. Искалеченные, в лохмотьях, они продолжают заниматься своими повседневными делами, как будто ничего не изменилось. Они так добры к нам, гораздо добрее, чем мы заслужили, и крайне дружелюбны. Над дверями у них развеваются собственный триколор, но ошеломляет и количество флагов с полосами и звездами. Где они их только берут? Наверное, перешивают из собственной одежды. По некоторым видно, что они самодельные: состроены из белой и красной полосок ткани, сверху нашиты звезды. Продвигаясь по дорогам, мы все время машем им, а они машут нам в ответ, стоя у своих разрушенных домов. Никакой парад победы не сравнится с этим...

Пишу, и мне кажется, будто я лишился всех своих чувств: я не слышу тебя, не могу тебя увидеть и не знаю, слышишь ли ты меня. Но в одном будь уверена. Я тебя люблю.

Твой

Джордж

Глава 11

Встреча на поле боя

Нормандия, Франция

Август 1944

Древний город Сен-Ло стоит на высоком холме, откуда открывается вид на главную дорогу Нормандии, идущую с запада на восток. С начала июня 29-я пехотная дивизия вела здесь изнурительные бои с немецкой 352-й дивизией. К середине июля в обоих формированиях вряд ли остался в живых хоть один солдат, сражавшийся в день высадки.

17 июля, за час до рассвета, 29-я дивизия начала массированное наступление на Сен-Ло, не оставив в запасе никакого подкрепления. Атака была внезапной: солдаты прыгали в немецкие окопы, вооруженные только штыками и ручными гранатами. К рассвету они прорвали оборону врага и заняли высокую позицию примерно в километре от города. Немцы попытались пойти в контратаку, но их остановила артиллерия и воздушный обстрел. В туманной дымке французского утра 29-я дивизия преодолела последний холм, и солдаты впервые увидели цель, за которую боролись и умирали. «Сен-Ло обстреливался с бомбардировщиков начиная со дня высадки и каждый ясный день после, – писал историк Стивен Амброз. – Центр города превратился в груды камней, в которой с трудом распознавались улицы и переулки».

Но город не был безжизненным. За каждой грудой камней прятался немецкий солдат. Продвижение союзников превратилось в битву, эпицентром которой стало кладбище рядом с обрушившейся церковью Сент-Круа. Пули рикошетили от надгробий, а танки-носороги сносили могильные камни, оттесняя немцев назад в опустошенный город. Когда битва наконец окончилась и союзники победили, «двадцать девятые» завернули в американский флаг тело майора Тома Хоуи, бывшего школьного учителя и одного из самых популярных офицеров дивизии, и водрузили его на груды камней, которая когда-то была церковью Сент-Круа. Город был в руках союзников, но какой ценой! В одном Сен-Ло 29-я дивизия потеряла больше людей, чем на участке «Омаха».

Джеймс Роример был отправлен в Сен-Ло, чтобы оценить размеры ущерба. Город был в руинах, на улицах лежали трупы, жители, оставшиеся без крова, рылись в горах мусора и пепла и потерянно бродили в поисках воды. «Немцы обливали дома бензином и поджигали, – рассказал Роримеру один из жителей. – Они заложили мины на каждой улице». Тут где-то рядом грохнула мина, и обрушилось еще одно здание. Хранитель при виде всей этой разрухи в историческом центре города не смог сдержать слез. Немцы рыли окопы и устраивали подземные бетонные бункеры рядом с самыми важными памятниками архитектуры или непосредственно в них, и союзники разбомбили их до основания. Правительственные здания были изрешечены снарядами, а затем уничтожены пламенем. Библиотеку городской ратуши, в которой хранились грамоты Вильгельма Завоевателя, опустошили немцы. От музея с его великолепной коллекцией, собиравшейся веками, осталась только пыль. Центральная часть собора Нотр-Дам превратилась в груды камней шесть метров высотой. А то, что еще осталось от собора, было «забито гранатами, дымовыми шашками, ящиками с продовольствием и всяким хламом. На кафедре и на алтаре были прикреплены мины-ловушки».

Офицеры штаба не поверили докладу Роримера. Полковник управления по связям с гражданской администрацией решил приехать и лично все проверить. И пришел к заключению, что состояние города даже хуже, чем его описал Роример. Позднее эксперты признали, что город был разрушен на 95% – конкурировать с ним могли только некоторые немецкие города, стертые бомбардировками с лица земли. Живший во Франции великий ирландский писатель Сэмюэл Беккет называл Сен-Ло «столицей руин». Но в составленный Роримером

список уничтоженных объектов вошли не только памятники древней архитектуры города, но и многовековые архивы, и потрясающая коллекция керамики, и многие частные собрания произведений искусства, и, наверное, самая печальная потеря – огромный массив иллюминированных древних рукописей, созданных и собранных в монастыре Мон-Сен-Михель. Бесценные рукописи, часть из которых датировалась XI веком, были перенесены из монастыря в государственные архивы Сен-Ло – для сохранности.

Но сколь бы печальной ни была картина разрушения, битва была выиграна не зря. Захват Сен-Ло стал поворотной точкой в сражении за Нормандию. Теперь союзники заняли высокую позицию, с которой могли наносить артиллерийские и воздушные удары по немцам. Несколько недель спустя, после самой массированной в военной истории бомбардировки, 1-я и 3-я армии США сумели прорвать «стальное кольцо» немецкой обороны, запершее их в Нормандии на два месяца. Пожалуй, на примере Сен-Ло наиболее ярко видна сложность задачи хранителей, которая заключалась в необходимости соблюдения баланса между охраной памятников и стратегическими задачами армии.

* * *

Символично, что именно у руин Сен-Ло хранители впервые встретились на фронте как отдельный отряд. Это случилось 13 августа, сразу после того как к востоку от города генерал Паттон развернул свою армию на северо-запад, пытаясь взять немцев в кольцо. Битва за Нормандию еще не была окончена, но победа, казалось, уже близко. Настала пора оценить прошлое и задуматься о будущем. Это были непростые несколько месяцев: все невероятно устали. Джеймс Роример клевал носом в попутке, которая везла его из штаба. С ним ехал архитектор – капитан Ральф Хэммет, еще один хранитель, служивший в зоне коммуникаций. Майор Бансель Лафарж, нью-йоркский эксперт по зданиям и первый хранитель, оказавшийся во Франции, прибыл на небольшом автомобиле, предоставленном ему коллегами из 2-й армии Великобритании. В феврале Лафарж покинет фронт и станет заместителем командующего ПИИА. Капитан Роберт Поузи, архитектор из Алабамы, приписанный к 3-й армии Джорджа Паттона, не смог найти транспорт с фронта и пропустил встречу.

Для постороннего взгляда это, наверное, было странное сборище: трое немолодых мужчин в помятой коричневой форме – меньше половины из восьми офицеров ПИИА, которые должны были прибыть в Нормандию. Они не встречались со времен Шрайвенхема и, глядя в изможденные лица друг друга, думали о том, как мало в них осталось от прежней элегантности. В Нормандии не было прачечных, душа, увольнительных. Неделями они пробирались по местам боев и изуродованным городам, зачастую под проливным дождем, превращающим каждую тропинку в хлюпающее болото. Они смертельно устали, пережили не одно разочарование, но не собирались сдаваться. После ожидания, которое длилось месяцы и годы, хорошо было иметь возможность хоть как-то участвовать в общем благом деле.

«Я счастлив как никогда, – писал Джеймс Роример жене. – Я работаю с утра до ночи, и, как это ни удивительно, мой полковник и его штаб оказывают мне всестороннюю помощь. Дело не только в том, что теперь у меня есть все необходимые полномочия, – наконец-то моя рабская преданность работе и пехотная подготовка окупаются сторицей. По-французски я и раньше говорил свободно, так что теперь занимаюсь именно тем, о чем мечтал с самого объявления войны».

Это не значило, что работа была легкой, – вовсе нет. Все сознавали, что на фронте они сами по себе. У них не было установленного порядка действий, которому они могли следовать, ясной цепочки подчинения, правил сотрудничества с фронтовыми офицерами. Им приходилось каждый раз действовать по ситуации, ежедневно импровизируя и пытаясь довести дело до конца во все усложняющихся условиях. Они не могли никому ничего приказывать, только

советовать. На поле боя им не на кого было рассчитывать, кроме офицеров, которых они смогли убедить в своей правоте. Тот, кто ожидал ясных указаний, власти или хоть каких-то признаков успеха, в отряде долго не задерживался. Но те, кто, как Джеймс Роример, расцветал в борьбе с трудностями и даже смертью, ни на одной гражданской работе не испытывал такого азарта. Как писал Роример: «Сейчас не такое время, чтобы думать о себе... Кей, ты была права, это потрясающий опыт».

Жаловаться не имело смысла. На войне как на войне. Роример был не нытиком, а человеком действия. Поэтому он и оказался здесь. И собирался действовать – до тех пор, пока Гитлера не похоронят вместе со всей немецкой армией.

Вскоре разговор переключился на проблемы. Объявлений «Вход воспрещен» не хватало для всех поврежденных церквей, не говоря уж о других зданиях. Фотокамеры, вроде бы заказанные для Хэммета и Пуузи, не прибыли до сих пор. Ни у кого не было рации. Все выполняли задания в одиночку: каждый находился на отдельной территории и решал задачи собственными методами. Как же им предполагалось связываться друг с другом и со штабами, если у них не было раций?

Только Роример хотел заговорить о необходимости транспорта, как заметил полуразвалившийся немецкий «Фольксваген», который ехал к ним по ухабам. За рулем сидел американец в обычной офицерской форме: металлический шлем, оливково-серые рубашка и штаны и полевые сапоги с парой галош. Несмотря на летнюю жару, на нем была куртка для защиты от дождя, который моросил почти все лето. У машины не было лобового стекла, так что на офицере были очки, похожие на те, что носили пилоты Первой мировой войны. Синяя полоска вокруг его шлема и вышитые на форме большие белые буквы USN выдавали в нем флотского военнослужащего. Роример понял, что за рулем их коллега Джордж Стаут.

Стаут вышел из машины, снял очки и осторожно очистил лицо и форму от дорожной грязи. Когда он снял шлем, почти закрывавший ему глаза, все увидели его аккуратнейшую прическу. Все складки на форме были тщательно отглажены. Много лет спустя Том Стаут рассказывал, как его отец на склоне лет прогуливался по деревенским тропкам вокруг их дома в Массачусетсе: в спортивной куртке, шейном платке и берете, с тростью в руках, то и дело останавливаясь поболтать со знакомыми. В Сен-Ло он, казалось, излучал ту же привычную уверенность. Картину портили только кольт сорок пятого калибра на одном бедре и кортик на другом. Но то, что восхищало людей в мирное время, на фронте и вовсе казалось чудом. Элегантного Джорджа Стаута война, в отличие от всех остальных хранителей, казалось, совсем не потрепала.

Все набросились на него с расспросами о том, где он добыл машину.

– У нее нет гудка, барахлит коробка передач, плохо работает тормоз, расшатана рулевая колонка и нет крыши, – ответил Стаут. – Но я премного благодарен немцам за то, что они ее бросили.

– И ты потребовал ее себе, да?

– Я ее нашел, – просто ответил Стаут.

Этот человек изменил музейную консервацию при помощи одного библиотечного карточного каталога. Он не стал бы тратить свое время на жалобы и просьбы, когда вокруг было столько ресурсов.

«Стаут был прирожденным лидером, – писал Крейг Хью Смит, присоединившийся к хранителям позже. – Тихий, скромный, бескорыстный человек, но в то же время сильный, глубокий мыслитель и потрясающий новатор. Он не бросался словами, выражался ярко и точно. Ему верили и хотели делать все так, как он задумал».

Именно Джордж Стаут создал эту встречу и, как любой хороший руководитель (хотя официально он никому из них не был начальником), сделал это вовсе не для того, чтобы обменяться впечатлениями. Он прибыл в Нормандию 4 июля, став одним из первых хранителей

на континенте, и за прошедшие шесть недель объехал больше достопримечательностей и спас больше памятников, чем кто-либо из них. Он прибыл в Сен-Ло не ради овадий, не ради жалоб. Он прибыл, чтобы определить проблемы и найти пути их решения.

Не хватает табличек «Вход воспрещен»? Роример проследит, чтобы напечатали еще 500. В Нормандии случались перебои с электричеством, но у армии была типография в Шербуре, которая работала даже по ночам. А пока все будут писать объявления от руки.

Солдаты и гражданские не обращают внимания на написанные от руки объявления? И тут у Стаута готово решение: обносите важные места белой саперной лентой. Ни один солдат не сунется туда, где будто бы сказано: «Осторожно: мины!»

Одной из главных рекомендаций штаба ПИИА было просить о развешивании объявлений французов, чтобы союзники не выглядели оккупантами. Роример предложил использовать детей. Их легко уговорить, а в качестве вознаграждения чаще всего достаточно жвачки или дольки шоколада.

– Местные работники культуры тоже годятся, – сказал он. – Если выдавать им четкие инструкции и поощрять, они способны выполнить самые сложные задачи.

Что до фотокамер, то все сошлись на том, что без них работать невозможно, но пока придется потерпеть.

Еще одной большой проблемой была связь. На выездах хранители оставались в одиночестве и никак не могли связаться со штабом или передать информацию друг другу. Их официальные рапорты достигали адресатов спустя недели и годились только для архива. Сколько раз после трудных и опасных часов в дороге они прибывали на место, чтобы обнаружить, что охраняемый памятник уже осмотрен и сфотографирован, а реставрационные работы в самом разгаре. А что, если, пока хранитель на выезде, случится внезапная контратака немцев?

– Хуже всех англичане, – буркнул Роример, которого порядком достали беспорядочные блуждания британского хранителя лорда Метьюэна. – Они не соблюдают границы. И никакой связи нет.

– Британцы работают над этим, – ответил Лафарж.

– Что касается рапортов, – предложил Стаут, – давайте, когда отправляем их командованию, делать дополнительные копии друг для друга.

Они заговорили об ассистентах. Стаут все так же считал, что каждому из них в армии нужен хотя бы один квалифицированный помощник, а лучше – резерв специалистов в штабе, из которых они могли бы выбирать.

Тяжелее всего они переживали отсутствие транспорта. У Лафаржа был свой выдавший виды драндулет, у Стаута – «Фольксваген» без крыши, но все остальные тратили бесценные часы на поиск попутков, а потом застревали на окольных путях.

– У армии на все один ответ, – ворчал Роример. – Комиссия Робертса в Вашингтоне должна была заранее озаботиться вопросами организации и оборудования.

– А в комиссии Робертса отвечают, что армия не позволяет вмешиваться в их дела, – ответил Стаут, тем самым обобщив ситуацию, в которой находился отряд. И все же никогда не терявшие оптимизма Хэммет и Стаут сумели назначить на 16 августа встречу с командованием 12-й армии США, где собирались обсудить все проблемы.

Поговорив о главном, они принялись делиться впечатлениями. Сошлись на том, что, несмотря на все трудности, им удалось добиться успеха. Им повезло: и территория досталась небольшая, и в Нормандии, при всей ее красоте, было не так уж много требующих охраны памятников. Для старта это место было идеальным. Они прекрасно понимали, что в будущем придется работать гораздо больше, но пока могли быть довольны собой. Доблестные и мужественные французы были им благодарны. Солдаты внимательно относились к французской культуре. Главные проблемы шли сверху – армейская бюрократия попросту отказывалась поддерживать миссию. Но командование передовой относилось к хранителям с большим уваже-

нием, пусть они и мешали им воевать. И это лишний раз укрепляло уверенность Стаута в том, что только работая на передовой, можно чего-то достигнуть.

Так что у них оставалась всего одна реальная беда – немцы. Чем больше хранители узнавали о них, тем мрачнее становились. Немцы устраивали центры обороны в церквях. Складывали оружие там, где жили женщины и дети. Сжигали дома, разрушали все вокруг – иногда в стратегических целях, но чаще всего просто от злобы. Говорили, что их командиры стреляют в собственных солдат, если те пытаются отступать. Порывшись в своих вещах, Джеймс Роример достал визитку. На одной ее стороне значилось: Д. А. Агостини, представитель французского культурного департамента, город Кутанс. На другой стороне было написано: «Подтверждаю, что немецкие солдаты используют машины Красного Креста для мародерства и что ими зачастую руководят офицеры».

– Зловещее предупреждение, – произнес Джордж Стаут.

Он озвучил то, о чем все думали, так что никто даже не дал себе труда выразить свое согласие вслух.

* * *

– Идиот! – кричал на Джеймса Роримера новый и уже не такой понимающий командир части, когда несколькими днями позже тот попросил разрешения съездить взглянуть на монастырь Мон-Сен-Мишель. Эта средневековая крепость располагалась на скалистом острове рядом с побережьем Бретани.

– Сейчас двадцатый век! Кому какое дело до средневековых стен и кипящей смолы?

Вот и еще одна проблема – в армии постоянно менялись командные кадры, и Роример никогда не знал, кто станет его начальником, когда он вернется в часть и каково будет его отношение к охране культурных ценностей. Но хранителей спасала поддержка генерала Эйзенхауэра – приказ Верховного Главнокомандующего, о котором, кажется, внезапно вспомнил и этот офицер.

– Ну ладно, – пропыхтел он, – езжай. Но только предупреждаю, Роример, тебе следует поторопиться и вернуться как можно быстрее. Если отстанешь...

Роример отвернулся, чтобы офицер не заметил его улыбки. Он представил себе окончание этой фразы: «...большой потери не будет» – и это его развеселило. Он всегда любил посмеяться.

Роример и не надеялся на официальный транспорт. Он нашел машину у одного француза, прятанного от немцев в стоге сена, и попросил отвезти его в Бретань. Немецкая контратака почти прорвала позиции Паттона у города Авранш, но битва за Нормандию уже подходила к концу, и к западу от Авранша все было тихо. Пока они ехали, Роример думал об аббатстве Мон-Сен-Мишель, в котором побывал когда-то давно. Скалистый остров соединялся с материковой Францией только узкой длинной дамбой. На склонах горы к острову прижималась крошечная деревушка, а посередине возвышался монастырь Мон-Сен-Мишель, знаменитый средневековый «Город книг». От одной мысли, сколько этих книг было уничтожено в Сен-Ло, Роримера передернуло. Но если и монастыря больше нет... Он вспомнил крытую галерею XIII века, грандиозное аббатство, подземный лабиринт часовен и крипт, остроконечные своды Зала рыцарей, поддерживаемые тремя рядами колонн. Это было здание настолько выдающееся, что, по утверждению хранителя памятников Лафаржа, именно знакомство с ним вдохновило его стать архитектором. Мон-Сен-Михель выдержал целое тысячелетие атак и смут не в последнюю очередь благодаря защите воды и стремительных приливов. Но с помощью современного оружия эту крепость можно было стереть с лица земли всего за одну бомбардировку.

Долго волноваться Роримеру не пришлось. Уже издалека было видно, что Мон-Сен-Мишель на месте. При въезде на дамбу висело сразу три объявления «Вход воспрещен», кото-

рые еще до его приезда разместил прикрепленный к 3-й армии Роберт Поузи. Увы, листки бумаги не могли спасти остров от наплыва солдат, которые шумели, дрались, а чаще всего просто пили. Роример довольно быстро осознал, что Мон-Сен-Мишель «был единственным местом на континенте, где не было ни охраны, ни разрушений войны и, несмотря ни на что, продолжалась обычная жизнь... Каждый день сюда устремлялись в увольнительную тысячи солдат, напивались и буянили так, что местным властям не под силу было с ними справиться». В кабаках заканчивалась еда и, что еще хуже, выпивка. Сувенирные лавки были пусты. И хотя в местном отеле вроде бы поселился какой-то британский генерал с дамой, Джеймсу Роримеру не удалось найти ни одного офицера, отвечающего за порядок на острове.

В тот вечер, осмотрев древний комплекс монастыря, прогнав солдат из исторических зданий и повесив на двери замки, Роример ужинал с мэром, чей сувенирный магазинчик был полностью опустошен несколькими днями раньше. Они сошлись на том, что, несмотря на все аргументы против, жизнь в Мон-Сен-Мишеле должна течь своим чередом. В эти долгие три месяца более 200 тысяч солдат союзников были ранены, убиты или пропали без вести. Воздух, вода, еда и даже одежда пропитались зловонием смерти – людей и лошадей. Битва за Нормандию была жестокой, но решительной победой союзников, и никакой хранитель памятников не смог бы остановить празднующих ее солдат. Усталый мэр отправился домой к жене, а Роример пошел в бар, положил на стол ноги и, потягивая пиво, задумался о будущем.

Нормандия позади, но настоящая работа еще только предстоит. Он подумал о немецких солдатах, растаскивающих произведения искусства на машинах Красного Креста. Он не сомневался, что нацисты виновны в ужасных преступлениях, и если он правда желает защитить мировое искусство, ему следует поскорее выбираться из зоны коммуникаций на фронт. Где-то там – доказательства нацистских преступлений, и он обязан их найти. А для этого сначала надо попасть в Париж.

На следующее утро Роримера остановил военный полицейский ВВС и потребовал предъявить документы. Бумаги Роримера только подтвердили его подозрения – увидев их, солдат улыбнулся, кивнул и арестовал хранителя.

– У офицера такого низкого звания не может быть ваших полномочий, – сказал он, – и ни один офицер не станет передвигаться без личного транспорта.

Даже офицеры местного штаба были уверены, что поймали немецкого шпиона. Полицейский ликовал, воображая грядущее повышение и награды. Он лично сопроводил «шпиона» назад в штаб Роримера, где его ждало оглушающее известие: отряд ПИИА действительно существует и в нем действительно значится младший лейтенант Джеймс Роример. Может, хранители памятников и считали свои первые месяцы в Европе успехом, но на самом деле путь им предстоял длинный.

Письмо Джорджа Стаута жене Марджи

27 августа 1944

Дорогая Марджи!

Мне досталось немного конвертов авиапочты, так что я могу позволить себе слегка поразглагольствовать. Уже неделя прошла с тех пор, как я был в штабе и читал почту. Если повезет, доберусь до нее завтра и получу весточку от тебя, моя дорогая.

Эта неделя была насыщена тяжелой, но радостной работой. Два дня я квартировал в городе, и в городе немаленьком, жил в хорошей комнате,

общался с милейшим семейством. Очаровательный дом, полный людей, похожих на многих наших знакомых, – поражаюсь тому, насколько малы на самом деле различия между нациями, ну или хотя бы между цивилизованными нациями.

Наша армия продвигается вперед, и всплывают все новые свидетельства фашистских преступлений, так что счет в нашу пользу. Они вели себя отвратительно, а под конец оккупации еще и жестоко. Теперь немцы совсем не кажутся невинными овечками под властью преступных лидеров. Они и сами преступники. И я не могу себе представить, сколько времени им потребуется, чтобы снова зажить в мире со всеми остальными народами.

Находясь в городе, я чувствую себя таким неряхой в полевой одежде: в шлеме, без галстука, с головы до ног покрытый дорожной грязью, да еще и с оружием. Здесь очень непросто заботиться о чистоте. В последние дни у меня совсем не было времени на стирку, а со всеми этими переездами мне некому ее поручить.

Гостеприимность и дружелюбие французов, кажется, не знает границ. Сегодня я видел, как в город въезжает джип, забросанный цветами. «Можно подумать, мы уже выиграли войну», – сказал сидевший за его рулем капрал. Вчера в деревне, почти не пострадавшей от войны, маленькая девочка принесла свою двухлетнюю сестричку, и та протянула мне яблоко. Как мне было от него отказаться? И от помидора, который дал мне мальчишка в другой деревне... И все хотят пожать тебе руку хотя бы дважды.

Пожалуйста, береги себя. Пока до тебя шло это письмо, лето закончилось, и ты уже с унынием задумываешься о грядущих учительских собраниях. Не бери на себя ничего другого, после того как откроется школа. Я постараюсь на днях выбить жалованье и пошлю тебе денег.

Могу себе представить, что у вас очень много говорят об убитых. Мы здесь ничего такого не слышим и чувствуем себя не хуже, чем всегда.

Люблю тебя и часто о тебе думаю.

Твой

Джордж

Глава 12

Мадонна Микеланджело

Брюгге, Бельгия

Сентябрь 1944

К концу августа 1944 года европейская кампания немцев обернулась стремительным отступлением. Немцы бросили все свои резервы на «Стальное кольцо» в Нормандии, и, когда их оборона была прорвана, путь перед западными союзниками был полностью открыт. Стремительно продвигаясь вперед, почти не встречая сопротивления, они натыкались на тонны брошенного провианта, сотни вагонов угля, бесчисленное количество забытых машин, на раненых немецких солдат и даже на грузовики, набитые трофейным бельем и духами. Деревни были украшены цветами, жители городов ликовали, преподнося освободителям вино и угощение. Выжившие немцы бросали оружие и бежали домой.

К августу 1944 года линия фронта продвинулась примерно на 200 километров за Париж и его восточные пригороды. 2 сентября союзники достигли Бельгии. Им потребовался всего день, чтобы пройти большую часть страны и освободить Брюссель. Четыре дня спустя, глубокой ночью 7 сентября или в предрассветные часы 8 сентября, ризничего собора Нотр-Дам в бельгийском городе Брюгге разбудил стук в дверь. Пока он одевался, стук становился все настойчивее, и к тому моменту, когда он добрался до двери, в нее уже колотили изо всех сил.

– Тише, утомонитесь, – запыхавшись, пробормотал он.

За дверью стояли два немецких офицера, на одном была синяя форма нацистского флота, на другом – пехотная серая. В темноте за ними виднелись вооруженные немецкие солдаты из ближайших казарм – человек двадцать, а то и больше. Они приехали на двух грузовиках, на которых стоял знак Красного Креста.

– Отпирай собор, – потребовал офицер.

Ризничий отвел немцев к декану.

– У нас приказ, – в руках у немца была бумага. – Мы забираем Микеланджело, чтобы спасти его от американцев.

– От американцев? – такая наглость развеселила декана. – Говорят, у города стоят британцы, но ни о каких американцах я ничего не слышал.

– У нас приказ, – повторил немецкий офицер и, оттолкнув декана, зашел внутрь. Вслед за ним вперед выступили несколько вооруженных моряков. Намек был понят. Декан и ризничий открыли массивные двери старыми железными ключами и пустили солдат в собор. Улица за ними была совершенно безлюдна. Во время немецкой оккупации только партизаны отваживались ходить по улицам в два часа ночи, но и они старались пробираться переулками. Затемнение, может, и остановило ночные бомбардировки союзников, зато оказало неоценимую помощь Сопротивлению.

– Вам никогда не вывезти ее из Брюгге, – сказал декан солдатам, распахивая старинные двери. – Британцы уже в Антверпене.

– Не стоит верить всему, что слышишь, – ответил офицер. – Путь еще открыт.

Оказавшись внутри, немцы действовали быстро. У дверей выставили охрану. Обошли ризницу, закрыли все окна. Двое солдат не сводили глаз с декана и ризничего. Остальные сразу направились в северный придел собора, где в защищенной комнате, обустроенной властями Бельгии в 1940 году, хранилась скульптура. Немцы раздвинули двери. Их фонарики – возможно, единственное ночное освещение во всем Брюгге, – выхватили из темноты Мадонну. От ее выполненной в полный рост фигуры исходило сияние, нежные черты лица и складки одежды были вырезаны молодым Микеланджело из лучшего, самого белого мрамора Италии.

Мадонна взидала на нацистов с тихой грустью, а Иисус, менее всего похожий на беспомощного младенца, будто бы стремился выступить из алькова на свет.

– Несите матрасы, – скомандовал старший.

За четыре дня до этого собор посетил доктор Розманн, глава немецкой организации по защите искусств и памятников.

– Прежде чем я покину Бельгию, – сказал он тогда, – мне хотелось бы напоследок взглянуть на Мадонну. Все эти годы я храню ее изображение на своем письменном столе, – сообщил он декану.

Осмотрев скульптуру в этот раз, Розманн велел своим людям принести в комнату несколько матрасов.

– Для защиты, – пояснил он. – Американцы ведь варвары, не то что мы. Разве они смогут отнестись к ней с должным уважением?

Только теперь декан понял, что матрасы были нужны не для защиты от бомб. Это был самый безопасный способ быстро перенести статую в фургон.

– А что картины? – спросил один из моряков. На стене рядом с Мадонной висели самые выдающиеся работы из коллекции собора. Старший ненадолго задумался, рассматривая их.

– Эй ты, – сказал он одному из стоявших у дверей солдат, – пригони-ка еще один фургон.

У декана перехватило дыхание, когда солдаты взобрались на постамент бесценной статуи. Он не мог отвести от нее глаз, боясь, что любое мгновение может стать для нее последним. За его спиной ризничий крестился и бормотал молитвы, не осмеливаясь взглянуть на статую, которая уже качалась на своем пьедестале. Полутораметровая скульптура скользнула вниз, на матрас, который на весу держали солдаты, придавив остальные к земле. Но она была цела, во всяком случае, декан не заметил повреждений. Лежала лицом вниз – но хотя бы была цела.

С десяток солдат осторожно понесли Мадонну к боковой двери, остальные достали лестницу. Солдаты начали снимать картину, а их командир мерил шагами комнату, усеивая пол сигаретными окурками. Туда-сюда, туда-сюда.

– Слишком высоко висит, – крикнул один из моряков. – Нужна лестница повыше.

– Не ори, – скомандовал офицер. На улице еще не светало, у них оставалось достаточно времени. – Попробуй еще раз.

Мадонна была уже у двери. Моряки, явно следуя выданным ранее инструкциям, взяли второй матрас и накрыли им скульптуру. Это ее не особенно защитит, но хотя бы скроет кражу от слишком любопытных глаз.

– Не снимается, командир, – сказал один из стоявших на лестнице солдат.

– Ну и ладно, – ответил командир, которого начала страшно раздражать вся эта операция. Было пять часов утра, он не спал всю ночь, и все из-за какой-то статуи. – Бросьте эту картину, она не имеет значения. Грузите остальное.

Еще полчаса понадобилось на то, чтобы затащить статую в один из фургонов Красного Креста. Солдаты набились во второй фургон, а в третий, который часом раньше пригнал один из них, отправились картины. Горизонт окрасился первыми нежными лучами зари, а ризничий и декан, стоя у дверей, смотрели, как исчезает Мадонна Микеланджело, единственная работа мастера, покинувшая Италию при его жизни.

Тут декан прервал свой рассказ, чтобы глотнуть чая. Рука его слабо дрожала.

– Считается, что она была вывезена из Брюгге морем, – с грустью закончил он. – Но возможно, что и по воздуху. В любом случае здесь ее больше нет.

Сидевший напротив него хранитель памятников Рональд Бальфур, сосед Стаута по комнате в Шрайвенхеме, поправил очки и сделал пометку в журнале. Кабинет декана напоминал ему собственную библиотеку в Кембридже.

– Вы можете предположить, когда она покинула Бельгию?

– Пару дней назад, не раньше, – печально ответил декан. – Возможно, только вчера, кто знает.

Было 16 сентября: прошло восемь дней со дня кражи и всего несколько – с триумфального входа англичан в город.

Бальфур закрыл тетрадь. Мадонна Брюгге ускользнула от них, из его рук. А ведь он был так близок!

– Хотите я дам вам фотографии?

– Мне не нужны фотографии, – ответил Бальфур, погруженный в свои мысли.

В британскую армию он вступил в 1940 году. Три года провел, набирая пехотинцев в сельской Англии. Восемь месяцев проходил обучение на хранителя памятников. Он считал себя готовым. Но вот всего три недели, как он находится на континенте, приписанный к 1-й канадской армии на северном фланге наступления, и такая неудача. Одно дело – вступить во французский Руак и обнаружить, что Дворец правосудия уничтожен. Сначала, в апреле, в него попала шальная бомба союзников, а 26 августа немцы спалили весь район, чтобы уничтожить телефонную связь. Бальфур опоздал спасти дворец меньше чем на неделю.

Но здесь все было иначе. Речь шла не о военном ущербе, не о печальном решении, принятом во время поспешного отступления. Не было новостью, что немцы крадут произведения искусства. Но то, что даже сейчас, перед лицом массированного наступления союзников, они все еще похищают скульптуры и картины, не укладывалось у Бальфура в голове.

– Возьмите их, – настаивал декан, протягивая стопку открыток. – Покажите всем. Пожалуйста. Вы знаете, как выглядит Мадонна. Но большинство солдат не знает. Вдруг они наткнутся на нее в сарае, в доме какого-нибудь немецкого офицера или, – он помолчал, – в порту. Возьмите, чтобы они опознали ее, чтобы знали, что она – одно из чудес света.

Старик был прав. Бальфур взял открытки.

– Мы найдем ее, – сказал он.

Глава 13

Собор и шедевр

Северная Франция

Конец сентября 1944

Южная Бельгия

Начало октября 1944

В середине сентября 1944 года на континент отправился последний хранитель памятников из первого созыва ПИИА: капитан Уокер Хэнкок, добродушный художник-скульптор, вылетел прямым рейсом из Лондона в Париж. Из-за высокой облачности самолет летел низко, но бояться было нечего – истребителей люфтваффе уже почти не видно было в небе Франции. Из иллюминатора взору Хэнкока открывался Руан, где всего за пару недель до этого Рональд Бальфур обнаружил обгорелый остов Дворца правосудия. Даже с высоты полета было видно, как пострадал город, но в прилегающих к нему деревнях царило спокойствие: фермы, коровы и овцы. Тщательно возделанные поля с кривыми рядами изгородей выглядели причудливой мозаикой. Тихие долины и маленькие деревушки, казалось, жили мирно и счастливо, и только присмотревшись, можно было заметить оспины разрушения, избороздившие землю. Так, за весь полет Хэнкоку не встретилось ни единого целого моста.

Париж, весь покрытый ранами, показался Уокеру Хэнкоку еще прекраснее, чем когда-либо. Эйфелева башня, как всегда, возвышалась над городом, но настоящий дух свободы был не в ней – он веял на парижских бульварах. В окнах развевались сотни французских, британских, американских флагов, и, если не считать редких колонн бронетехники, на улицах совсем не было машин. «Все передвигаются на велосипедах, – писал Хэнкок жене Сайме, – и вокруг, куда ни глянь, прекрасные ножки. Париж трудно представить себе без его знаменитых такси – и все же я это видел. Электричество дают в десять, после долгого вечера в темноте, ну и, конечно, на улицах совсем нет огней. Но парижское метро работает, и народу в нем больше, чем в нью-йоркском. Военные не платят за проезд – такой порядок завели немцы, а французы решили оказать эту любезность и «освободителям». Первые проявления всеобщего ликования уже позади, и поначалу благодарность парижан незаметна. Но довольно скоро обнаруживаешь, насколько дружелюбно тут все к тебе относятся. Иногда подойдет на улице маленький мальчик в аккуратных белых перчатках и молча крепко пожмет тебе руку. А дети победнее всё норовят всучить тебе подарок: что-нибудь из своих сокровищ, вроде картинок, которые вкладываются в плитки шоколада и пачки сигарет. Сегодня я хотел купить несколько открыток в деревне неподалеку от лагеря. Хозяин магазина отказался принять за них деньги. «Мы всем вам обязаны, – сказал он. – Нам никогда не вернуть долг американским солдатам».

В воздухе уже повсюду пахло осенью, но для Хэнкока мир казался ярким и свежим, как парижское лето. «Я бывал в Париже раньше, – заключил он. – Но я никогда не перестану благодарить судьбу, что попал сюда через месяц после его освобождения».

Одну ночь он провел у Джеймса Роримера. «Джимси», как прозвали его друзья-офицеры, получил назначение, о котором мечтал: хранителем памятников в секторе Сены, иными словами, в Париже и окрестностях. Роример жил в квартире своей сестры и ее мужа, которые уехали из Парижа еще до войны. На завтрак он подал свежие яйца – подобной роскоши Хэнкок не видел уже много месяцев, – и они обменялись впечатлениями. Роример вошел в Париж с колонной генерала Роджерса – первой американской колонной, вступившей в «город огней». Над Парижем клубились столбы дыма, с крыш летели пули, тихо тлел Бурбонский дво-

рец. Немецких пленников сводили в здание банка «Контуар Насьональ д'Эсcont» на площади Оперы. Стволы брошенного в садах Тюильри немецкого оружия еще не остыли от стрельбы. «Я никак не мог прийти в себя от восторга и переживаний, – рассказывал Роример, – пока не оказался на кровати в отеле «Лувр». Это казалось безумием: прямо посреди разрухи стоял хороший отель с горячей и холодной водой в кранах, просторными комнатами с высокими потолками, в каждой из которых были французские раздвижные окна в пол, шторы и балкон. На какую-то секунду я словно вернулся в довоенный Париж». Уокер Хэнкок не собирался задерживаться в городе. На самом деле он был даже рад покинуть Париж. Его звал долг, в который он верил так свято, что ради него оставил размеренную, удобную жизнь. В отличие от многих товарищей по оружию, у которых были свои причины, чтобы отправиться на войну, Хэнкок мог не покидать Америку. Он был знаменитым скульптором-монументалистом, в том числе автором огромных скульптурных групп («Жертва» – одна из них) в мемориале, возведенном в Сент-Луисе и посвященном солдатам Первой мировой войны. У него было две мастерские, и, несмотря на долги (еще одна причина идти на скудное армейское жалованье), он уже выполнил столько заказов и создал себе такую репутацию, что мог не беспокоиться о деньгах до конца жизни. Всего за месяц до отправления в Европу, в возрасте сорока двух лет, он женился на Сайме Натти, которую любил всем сердцем.

И все же вряд ли нашелся бы офицер, с таким же воодушевлением относящийся к службе, как Уокер Хэнкок. Впервые он попытался вступить в армию, в разведку ВВС, после Перл-Харбора – ему было уже почти сорок, но он считал своим долгом встать на защиту отечества, – но не прошел медосмотр. Тогда он записался в разведку флота, прошел медицинское освидетельствование, но тут же был переведен в пехоту и отправлен на строевую подготовку. Вскоре после этого на утреннем построении дежурный сержант объявил ему, что его переводят снова. Хэнкок надеялся, что его возвращают в разведку, но оказалось, что он выиграл конкурс на разработку дизайна Воздушной медали – высшей армейской награды за храбрость. Завершив работу над медалью, Хэнкок оказался в итальянском отделе военного департамента. И затем, наконец, его приняли в ПИИА.

«Разве жизнь не проделывает с нами, смертными, удивительные вещи? – писал он своей невесте Сайме в октябре 1943-го. – Именно сейчас, когда я так счастлив с тобой, я вдруг узнаю, что меня пошлют за океан выполнять работу, о которой я больше всего мечтаю».

Они поженились в Вашингтоне 4 декабря 1943 года. Через две недели Хэнкока призвали на фронт. «Я до сих пор помню со всей ясностью, как такси уносило меня в начало моего путешествия, а я, оглянувшись, увидел, как Сайма стоит в дверях и плачет... За всю свою жизнь я не переживал ничего горше».

Хэнкок не попал на корабль в Нью-Йорке – опять никого не предупредили о том, что на борту ожидается хранитель памятников, – и теперь ему предстояло каждый день являться в порт в ожидании свободного места на одном из кораблей. Каждый день он надевал форму и брал с собой все свои пожитки, в этом и состояла его служба. Иногда это вгоняло его в глубокое уныние. «Необходимость “быть в доступе” каждый день похожа на тюрьму, – писал он Сайме, – а я хочу быть только с тобой... [Но] в то же время я летаю в облаках, частенько забывая завести часы. Хороший же из меня будет офицер!»

Даже в грустные минуты прирожденный оптимизм и стремление видеть во всем только хорошее брали свое: «Но давай взглянем на все это с другой стороны, – писал он. – Самое прекрасное во всей этой ситуации – то, что мы знаем, как сильно любим друг друга, и счастье служить и приносить пользу от этого становится только больше».

Сайма отправилась в Нью-Йорк и остановилась с мужем в гостинице для военных. Утром он уходил, и она никогда не знала, вернется ли он обратно. Две недели Хэнкок возвращался, а потом не пришел, и Сайма поняла, что он уехал. Армия не дала им даже попрощаться.

«Солнце, и ветер, и это замечательное место, куда меня отправили, – писал он ей уже из Англии, – напоминают мне, какая это честь – лично наблюдать самые трагичные события года, а не узнавать о них из архивов в подвалах Пентагона». Он заверял ее, что в свои сорок два года все еще способен удивляться чудесам, и огорчился только, что «большинство людей проснутся слишком поздно и только тогда осознают, что упустили».

И вот наконец после восьми месяцев, проведенных в Англии, он прилетел в Северную Францию. Перелом битвы в Нормандии обернулся полным разгромом фашистов, и союзные войска стремительно продвигались к немецкой границе, не встречая почти никакого сопротивления. Генерал Джордж С. Маршалл, самый авторитетный военный советник Рузвельта, уверенно предсказывал конец битвы за Европу между «1 сентября и 1 ноября 1944 года» и считал, что пора готовить войска к переводу в бассейн Тихого океана. Приятно было и то, что не в меру дождливое нормандское лето сменилось наконец ясной теплой погодой. Первое задание Хэнкока во Франции – поездка на джипе вместе с товарищем по ПИИА капитаном Эвереттом Лесли по прозвищу Билл для обследования охраняемых памятников в тылу армии – казалось почти что прогулкой с осмотром достопримечательностей. Как всегда жизнерадостный, Хэнкок писал Сайме, что «каждый час каждого дня был сплошным удовольствием».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.